

Пишет dino_soidla ([dino_soidla](#))

Сказки несистемной Вселенной

Сойдла Т.Р.

Все герои вымышлены. Любое сходство с реальными людьми (насекомыми, динозаврами, растениями) является совпадением.

СПб 2012/2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обыкновенная история оловянных солдатиков, или мечты сбываются	3
Барахолка в императорском ангаре космопорта, или трижды великие замки мирового торга.....	9
Откровенные рассказы свидетеля атаки легкой кадавергардии.....	14
О перспективах развития мамонтоводства на центральной комарино-ягодной низменности.....	19
Партизаны на привале, или будни бунтарей	24
У жукоморья Хоспис светлый	31
В логове стратегического партнера	35
Наhawaiі, или изгнание гомосексуалов.....	41
Цирконий под золотом, или саламандра.....	46
Глинтвейн в Гигахабе Центра Галактики.....	51
Диномама из рода человеческого.....	57
Три обезьянки Халигали.....	62
Павианий павильон на Всевселенской выставке.....	67
Мышка в бивалютной корзине.....	73

Обыкновенная история оловянных солдатиков, или мечты сбываются

Часть 1. Я и О

Я и моя жена О живем в огромном городе П (Половодье) на берегу холодного моря. Живем замкнуто, «герметично», друзей у нас практически нет. Конечно, компетентные коллеги могут вам рассказать, что в одной из социальных сетей фигурируют 140 моих друзей. Но вы знаете, как собираются подобные «фрэнды» на социальных сайтах асоциальных людей. Кое-кто меня знает по конференциям. И надеется увидеть что-то интересное на моем сайте. (Есть вялые иллюзии и у меня самого.) Ну а дальше — от фрэнда к фрэнду, с фрэнда по фрэнду — так собирается мизантропу подборка друзей.

Но не надо принимать серьезно мои стенания. Река Соловьянка впадает в Оловянное море. Старики впадают в ворчливость и тоску.

О приятном: по вечерам я пишу сказки. Вот два примера ...

1. «Изгнанник и живая чернильница»...

— Здравствуй, Изгнанник, — сказала улитка. — Замечательное утро.

— Вот ты, не знаю, как тебя звать, этим замечательным утром и любуйся, — ответил изгнанник и отодвинулся. Улитка была вся в какой-то слизи и странно пахла. Она ничего не ответила и стала забираться на дерево.

Изгнаннику захотелось сказать стеснительной улитке напоследок что-то интересное.

— Греки кушают... Греки едят улиток.

Улитка не ответила и исчезла в листве.

— Привет, Изгнанник, — вдруг проскрипела у самих его ног огромная сороконожка. —

Проклятье! — Изгнанник отскочил. Ему захотелось ударить сороконожку чем-то тяжелым, вроде чугунной сковородки.

Та обо всем догадалась и скрылась.

Кто-то тронул изгнанника за плечо. Это были два стерха в белых халатах. — Пошли, Изгнанник, — сказал старший стерх, который заметно хромал. — Тебя ждут в поликлинике.

Поликлиника оказалась квадратным морем. В море кто-то плавал. Не иначе как слепая чернильница.

— Да, сказала чернильница, — это я, твоя голубка.

Изгнаннику стало интересно. — Чернильница, чернильница, кто съел твои глазки? — Тот, кто меня спрашивает, тот и съел. — Неправда, я не околот, я околотилитератор. А зовут меня — Ваше Лордическое Величество Дориан Игреевич Улялюм.

— Так я тебе и поверила. Улялюмся отседава, пока цел. Чтоб я тебя больше не слышала.

Изгнанник ушел. А чернильница плавала себе в аквариуме и восемью руками махала ему вслед, кляцкая клювом. Изгнанник ей понравился. Свой парень. Лайк и еще семь раз лайк.

Это из моих ранних сказок... Кстати, на вопрос читателя о том, что такое чернильница, я отвечаю не сразу. Помню школу с чернильницами-непроливайками, но это слово эмоционально пусто в эпоху электронных чернил.

2. «Шестирукая девушка, король-толпа и птица с крыльями в полнеба»...

Шестирукая девушка грустила на дне колодца. Ей хотелось попить, поесть и прижаться к любимому. Увы, любимого съела птица, а за ней самой гонялся отряд королевских разбойников: крепкие лапки, лихие усики и острые жвала.

Колодец был холодный, но сухой.

— Камни, камни, дайте мне пить.

Но камни молчали. Наверно они думали о чем-то своем.

Тут раздался треск и грохот. Что-то тяжелое упало рядом с девушкой. Это был млекопит в растительной шкуре.

— Спасибо, добрый камень преткновения!... Если чудовище разбилось насмерть, я выпью его кровь, стану очень сильной и большой, расправлю крылья и вылечу из колодца. Птица будет мне не страшна, я схвачу ее шестью руками и сделаю своей рабыней.

Но тут млекопит зашевелился и застонал. В его голове стали вспыхивать мысли.

— Ничего не поделаешь, — подумала девушка. — Судьба.

Она выжала из своего пушистого брюшка несколько капель гемолимфы и помазала губы млекопита. Тот открыл глаза.

А девушка умерла.

Здесь чувствуется что-то инометафизическое, не правда ли? (Пшш!, подобные разговоры мою супругу раздражают.)

Но пора начинать рассказ о беде, которая настигла нас с того дня, когда некая государственная мысль ударила мне в голову.

Объясняю подробнее. Посмотрите на глобусе, наша страна — Оловодье (бывший Соловьиный Союз) — занимает одну седьмую часть суши. Какой простор!... Я люблю разглядывать географические карты. И однажды до меня дошло, что пространство — наше главное богатство, наше самое обильное ископаемое. Не нефть и газ, которым через короткое время придет конец...

(Для большинства моих сограждан эти просторы вызывают лишь досаду. И правда, авиабилеты одни чего стоят!... Получается смешно. Все интересуются интересным и труднодоступным, но никто не видит очевидного, что лежит под ногами.)

Настала пора рассказать, что я собственно имею в виду под использованием пространства Оловодья. Отнюдь не что-то авангардное и мистическое. Идея моя проста, как мучение невиновных.

Вот она: *да здравствует нерушимый фьюжн фтизиатров и филантропов!* Нет, нет, я не сошел с ума! Это предложение я записал здесь для использования в другом месте. Можно сказать, что оно не участвует в моем рассказе, просто ждет своего момента. Но, N.B.! Как все дороги ведут в Рим, так и этот неуместный образ может послужить иллюстрацией нашей главной идеи. Лишнее место. Это ключевое сочетание слов. Именно пустое, незанятое пространство позволяет в тексте рассказа устраивать маленькие склады приходящих в голову идей. Поняли? Итак, карты на стол! Компартиментализация — вот ключ Буратино, щучье слово, или, если хотите, изумрудная идея в ореховой скорлупе.

Непонятно? Сделаем шаг назад. У нас много групп людей с нетрадиционной политической, гастрономической, поэтической, этической, этнической, эгоистической или религиозной ориентацией. С ними можно бороться. А можно, наоборот, предоставить им место для свободного (почти свободного) поселения, финансировать, дать обустроиться, помочь найти экономическую нишу, а дальше пусть трудятся и размножаются. Так пространство структурируется и в таком виде освобождает жизненную силу поселенцев на незаселенных просторах. Как отдельные притоки вливаются в полноводную реку Соловьянку, так и энергии развития каждой отдельной Оловяшки сливаются в растущую энергию Оловодья.

Но может быть, это путь к распаду страны? Отдельные, независимые, ... какие опасные слова. Но не думаю. Митохондрии, хлоропласты, всевозможные органеллы и тельца из живой клетки никуда не убегают. Их держит зависимость от энергии, от белков-ферментов, от липидов и т.д. Также и в нашей стране. Зависимость от сырья и энергии, от специалистов, от транспорта. Оловяшки следует располагать не слишком близко от границы, и это уже полдела. А все остальное можно организовать (или дать организоваться) достаточно разумным образом. Тут вы скажете, что идея балансирует между анархией и концлагерем. Может быть и так, политические решения по своей сути довольно циничны, ... но не обязательно опасны, все зависит от нас. Можно организовать дело так, что мы не подойдем даже близко к этим крайностям. В самом худшем случае, это будет комфортабельный «четырёхзвездный» концлагерь и стреноженная невидимыми ремешками анархия. Только действовать нужно крайне осторожно, иметь голову и руки сапера и здоровую печень для удаления токсинов соблазнительно дурных мыслей.

Здесь конечно не место для подробного изложения моей идеи... Понимающим достаточно уже сказанного.

Следует признать, что это сейчас я стал немногословен. Но тогда, когда эта идея мне впервые пришла в голову, я был наивен и разговорчив. Я рассказывал и рассказывал о структурализации, о сдержках и противовесах, о тормозах и динамо.

И вот, раздался телефонный звонок... Мне неприятно об этом вспоминать. (Но тогда я радовался. Более того, я этого ждал.) Что мне сказали и что я сам отвечал, я помню плохо, но вот итог разговора: мне заказали некий аналитический обзор о компартиментализации. Его следовало распечатать в трех экземплярах, приложить флэшку с файлом и отнести по некоторому странному адресу, где располагалась малоприметная контора. После этого я стал ждать, что меня позовут для доклада, готовил аргументы против неизбежного непонимания некоторых критических точек моей дерзкой идеи.

Но ничего не происходило. Через некоторое время мне выплатили гонорар. Не требуя никаких обещаний неразглашения. В ответ на мой прямой вопрос пожимали плечами.

Однако потом пошли странные разговоры. Многие мои знакомые вдруг оказались в курсе моих тайных дел. При встрече мимоходом сообщали, что мне грозит преследование за пропаганду идеи развала страны среди сотрудников великокняжеской администрации (вот кто, оказывается, были мои загадочные заказчики). Один симпатичный мне коллега даже

рассказал, что мой обзор расценили как тщательно рассчитанный удар в солнечное сплетение властной грибницы моей страны. Что за чушь? Если я чего и опасался, то негативной реакции демократической общественности на идею достаточно жесткого контроля над Оловяшками. Но государство? Слова знакомых звучали для меня не только странно, но и зловеще. И действительно, скоро дела приняли кошмарный оборот.

В одно утро я проснулся от какого-то шороха за окном. На улице кто-то крался, стараясь не шуметь, не полагая, что к таким еле слышным звукам я особо чувствителен. Заглянул в щель занавески. Так я и полагал. Дом окружили бойцы особого отряда шефа тайной полиции князя Додона.

Я хотел только добавить себе общественного веса для лучшего распространения своих сказок. Но вот к чему приводят мечты. Конечно, наша страна сильно мужская, и власть, и силовики, и даже религия. Но бросить против безоружной старой супружеской пары человек несколько десятков вооруженных особистов... В этом я был склонен видеть некоторый перебор.

Я тронул за плечо О. Но она уже проснулась сама.

И тут грянул взрыв. Металлическая дверь квартиры повисла как крыло птеродактиля. Я взглянул на О.

Она кивнула. Мы взялись за руки и повернулись друг к другу спиной.

Часть 2. Я и Мо

Когда я снова поворачиваюсь к жене, она уже успела принять свою истинную форму гигантского жука. Как я люблю ее в этой true form, без наведенных иллюзий: прозрачные крылья, загадочные фасеточные глаза.

— Спешим!... шепчет Мо. Мы хватаемся за край рулона невидимой пленки, висящий над дверью, и дергаем вниз. Пленка тут же набухает в броневой щит. Следующие через несколько секунд взрывы звучат уже приглушенно.

Narrow escape.

Дальнейшие действия были отработаны до автоматизма ежемесячными тренировками. Мо втискивается в туалет (надо все-таки было его расширить), открывает канал прохода к галактическому центру и с хорошо слышным хлопком всасывается в под-космос. За ней следую я. И вот мы уже находимся на расстоянии нескольких световых лет от Земли.

— Ну что, будет нам на орехи, — говорю я огорченно. — План Галдепа, можно сказать сорвали. Успели напечатать только дюжину сказок разных космических рас. Ксенофобия землян за эти годы не снизилась, даже поднялась на несколько пунктов. Конечно, это еще ничего не значит, нужно подождать пока нынешние дети подрастут. Но после позорного провала с проектом биогосударства и нашего побега шансы на дальнейшее развитие наших проектов ничтожны.

— Как бы то ни было, оттуда надо было унести ноги.

Останавливаем свободную биокапсулу. Время от времени тоннель вспыхивает картинками из близлежащих складок пространства. Вот огромное красное солнце, вот светящиеся остатки сверхновой.

Бюрократы из Галактического центра, конечно, хорошо оттянулись на нас. Мы сочиняли бесконечные объяснительные записки, отвечали на дурацкие вопросы инспекторов.

Не было ли у нас контактов с Ребеккой Соломоновной Хигаль, редактором центрального телевидения?

Не участвовали ли мы в пропаганде секс-пира среди несовершеннолетних?

Не было ли у нас крови в моче?

И так далее до бесконечности.

А в один вечер на обратной дороге из комиссии в хостел нас остановила сама RSGigaL — птичьи лапки, красивое безмятежное лицо вечного обитателя подземелий Дильмунского сада, ни духовности, ни злобы. По сравнению с известным изображением было заметно, что она мало изменилась, разве что похудела и оделась в черное нарядное платье.

— Я вас знаю, вы меня узнали. Вы мне нравитесь, я вам симпатична. Я знаю, что вас, как вы сами говорите, достала пошлость существования. Вы созрели. Вам хочется иного. Поэтому не будем зря тратить время, — сказала она. — Предлагаю свои практические партизанские курсы по подрыву основ бытия. Первоначальное обучение в группе астрохакеров, после нескольких удачных экшенов возможен переход в вакуумные хакеры.

Мы прижались друг к другу. Мо покачала левой лапкой, я головой.

— Ну что же, воля ваша.

Однако есть логика смерти, и есть логика жизни.

Сегодня вы мне отказали, завтра согласитесь на предложение людей моих людей.

Все дороги из мира ведут в Рим. В мой Рим. До встречи в не-мирах!

Какой пафос, однако...

Часть 3. Я и О

Я вздрагиваю и открываю глаза. Мы с О сидим на собственной кухне. Чайник свистит. Кажется, пахнет гарью.

Все обошлось? Но каким образом? Или нет... только не это! Тяжелые шаги в коридоре. Дверь кухни открывается, входит пожилой полковник полиции и говорит. — Обыск окончен, гражданин Я. Вот ордер на ваш арест.

Once more twenty four. Даже again one hundred and ten. Что за наваждение!

Но снова происходит незаметная смена декораций: то ли одно наваждение наложилося на другое, то ли, наоборот, пелена упала с глаз... Батюшки, это же не полицейский, а переодетый Вел (зи) Хул — великий князь Велимир Хулимирович Дамнос собственной персоной. Бывший граф Зигфрид.

— Доброе утро, Велимир Хулимирович!

— Ну что, испугался, интеллигент, на пароход скок, да ноги короткие, — говорит он ласково. — Подумал, что мы вас с женой сейчас арестуем?

Нет, друзья, в нашей стране никого зря не сажают.

Мы все смеемся.

Барахолка в императорском ангаре космопорта, или трижды великие замки мирового торга

— Что продаете, красавица? — Красавица вам ничего не продаст, она сама продается. Это я продаю ее, я! Я сижу здесь, в складках ее платка. Машу вам лапкой. Ну, не желаете так не желаете, дело вкуса, кому вприглядку, а кому вприкуску.

Это дежурный анекдот барахолки.

Но в глубине ангара идет вполне реальный разговор. Маленький пожилой динозавр глядит на меня немигающим взором и чешет затылок своей супруги, стоящей рядом.

— А на что вам A-bomb?

— Да так, детишкам похулиганить.

— Понял, шеф! Такова нынешняя молодежь. Что же, бомба так бомба, поищем что-то подходящее.

— А жена, то есть, простите, цена — тоже будет подходящая?

— Я надеюсь, но вы же знаете наши традиции. Нужно поторговаться по-нашински, потварному, самозабвенно, чтобы славить Мудрость Маммоны. Разговор будет непростой, требует релакса и аттэншена, вольного течения пассивной воли. Давайте, сначала чем-то подкрепимся.

— Давайте, только, может быть, попробуем найти что-то социальное и совместимое. Чтоб трапеза была взаимоблагостна, чтоб мы, не дай ММ, не стали противны друг другу.

— Ценю деликатность. Это можно, поищем... Свой галактический код я помню, человеческий — сейчас проверим, последние цифры 185?

— 184, на 185 записаны неандертальцы. Непонятно, почему они находятся в справочнике, я же знаю, они вымерли около двадцати тысяч лет тому назад.

На лбу динозавра как будто сверкают очки.

— Вселенная полна загадок, мой друг. Особенно для вашей расы. От вас многое скрыто. Так и неандертальцы просили не информировать гомосапиенсов о своем местоположении и, согласно пятому параграфу закона о защите жертв геноцида, их просьбу уважили. Несколько представителей этого славного народа вывезла экспедиция экзопотамов, одной из самых продвинутых галактических рас. И, удивительное дело, люди Н прекрасно приспособились к современной высокоразвитой постинтеллектуальной культуре. Да, они эмоциональны, ранимы, голосуют сердцем, но при этом ритуально продвинуты. Многие из них работают высокооплачиваемыми интуитивными со-программистами для вольных квантовых компьютеров. Какие еще расы сумели...

Меж тем, пока мы радовались разговору, подспела карта индивидуального заказа. Выбор не очень большой, но кое-что есть. Суп из тараканов, тухлые улитки в целлофане, кофе, хлеб на красных дрожжах.

— Странно, впрочем, ничего! На самом деле проблемы нет. Мне, если можно, кофе и хлеб... Простите, вот там, кажется, стоят знакомые насекомые, друзья нашей дочурки. Если можно, я их позову к нашему столу. Суп из тараканов вычеркиваем, красный хлеб оставим. Может быть, пока я сбегая, проверите кофе по справочнику? Я мигом.

— Здравствуйте, милые членистоногие. Мы с вами, кажется, встречались на последней галактической ярмарке поэзии. Моя...

— Может быть встречались, а может нет. Ничего личного, но, любезный, для меня все млекопиты на одно лицо, от выхухоли до гориллы. Извините, я вас не помню, и к тому же меня ждут срочные дела.

— Подождите, ведь ваше имя Микерина.

— Что? Вы что, из ботаконтроля батона Токсикодендрона? Я вам клянусь, что никогда не жевала польский плющ.

— Какой плющ? Я не секретный агент, а политизгнанник. К тому же я отец Мюны.

— Мюны! Господи, так вы из наших. А я чуть не умерла от страха. Зачем же этот маскарад?

— Ваше первое впечатление было правильное, Микерина, я действительно млекопит, только может быть несколько стертый по краям. Но при этом я муж Мо, и повторяю, отец Мюны. Помните галактический скандал?

— Выходит, что вы тот самый изысканный извращенец. Какой вы красивый и представительный. Должно быть, к тому же очень сильный.

— Представляешь, Мовка! Мы только вчера об этом говорили. Об этом. Ну, ты меня понимаешь.

— Мне хотелось бы вас расспросить о многом. Соленый Источник! Мама миа многодетная! Я должна была уже пять минут назад как быть на министерском дереве. Нас же вытурят из турминистерства. Летим, Мовка!

Возвращаясь от членистоногих дам, вытираю пот со лба. Как меня угораздило вступить в разговор с этой сексуально озабоченной сикивошкой. Хотя, может она в этот момент шепчет подружке Мовке: еле лапки унесли от этого молоколикого маньяка, морального уroda. Merde!

Пожилый динозавр меня утешает. — Вы что, насекомых не знаете? Что старые, мелкие, что новые, огромные. Роятся и жужжат по всей вселенной. Ни понимания, ни стержня у них нет. Только бессмысленный шум и наглость. Грозно шевелят усами в полкомнаты, при этом призывно крутят хитиновой попкой. Тьфу! И еще раз — тьфу! Да ну их всех в морилку!

— Но вернемся к нашим бомбам. Мне вот что еще пришло в голову. А на что вам А бомба. Так можно детей совсем забаловать. Если вам захотелось бабахнуть, то почему бы не выбрать вместо А бомбы, бомбу Б, конечно не для детей, я законы уважаю. А для жены. Чувственный взрыв без лишнего бэби бума. И детишкам между нами говоря, интересно будет подсматривать, и жена себя почувствует ББ. А можно и совсем экстремально. Купите немножко Абета белка и наслаждайтесь Альцгеймером. После nirваны second best... Не уходите! Впрочем, вижу по заду, что вы задумались. Ну, думайте, думайте.

— Не давите, дорогой, я устал. К тому же я только с Земли.

— С Земли? Что вы делали на этой помойке?

— Откровенно говоря, лечился.

— Лечились? Как можно лечиться на Земле, что вы! От какой такой болезни, если не секрет.

— Какой там секрет. От византийского воспламенения воображения.

— Минутку, мой переводчик завис... Ах вот оно что. Так, так, так. Тогда понятно. Это у вас в реинкарнационной грибнице. Ну что, вылечились?

— Не совсем.

— Еще бы. Болезнь ведь, по существу, неизлечимая. Как вы себя чувствуете?

— Наверно уже привык.

— Понимаю: привыкнешь, и в круге первом не взбрыкнешь. Кстати, с Дамносом не встречались?

— Конечно нет. Где Дамнос, а где я?

— Может стоило постараться. Было бы что вспомнить... Говорят, он юморной.

— Ну, в предыдущем воплощении я как раз старался... поработал год у него архиканцеляриусом.

— И что?

— Вспоминать не хочется. Поговоришь с ним, а потом ходишь весь день как после плевка верблюда. У него дар этак мимоходом унижать людей. Тем более, что я у него работал, но не был в законе.

— А затем вы были в зарубежной командировке, вас угостили, и вы не отказались. И после этого только и осталось, что взять бессмертные ноги в руки и потопать в сторону *vita nuova*, в жизнь изгнанника, одного из видных «новых бедных»?

— Что-то вы слишком проникательны для трактирщика.

— Хе-хе! Много вы понимаете в нашей профессии. Кто же лучше знает пути живых существ и хитрости судьбы, чем трактирщик?

— Как кто? Секретные сотрудники.

— Это популярное заблуждение. Сексоты ослепили себя практикой ненависти. Какое может быть понимание без спокойствия ума? Так, сборник фокусов, которых и разоблачать не хочется... Кстати, вот к нам пробираются знаменитые братья Лисички, тоже эмигранты из Оловодья, уехали, когда ваша родина еще называлась Соловьиным Союзом. Явно желают с вами поболтать... Ухожу к стойке. А о предложении подумайте!

Братья лениво здороваются, без приглашения занимают место за моим столом.

— Что мы слышим? Ты работал у Дамноса. Вот так сюрприз.

— Это не сюрприз, это был просто минутный каприз молодого Дамноса. К тому же, то был не я-я, а другой я.

— Гы-гы-гы! Это ты скажешь следователю. А с нами то, с твоими друзьями, чего в прятки играть? Ну, как хочешь!

— А давай, загляни к нам сегодня вечером. У нас гостит большой специалист по оловянной чуме, Плумпопулус. У него такие идеи... Очуметь можно.

— Или, если сегодня не можешь, то в пятницу, в любой момент. К нам притуннелирует председатель запрещенной партии ПИСЯ (Паштет из соловьиных языков). Ты видел их символограмму: на красном фоне в белом круге черный вращающийся нож мясорубки. Сильно и стильно, не правда ли? С такой иконкой уже не возникает вопросов о том, чем они там, на Земле, занимаются. Все понятно без лишних слов.

— Не можешь? Очень занят? Какой ты у нас нерешительный стал. Ну, тогда пока-пока, продолжим разговор в понедельник!

(Я давно заметил, что братья Ли по выходным провокационных разговоров не ведут. Наверно, этого не рекомендует их профсоюз.)

После братьев на стуле остается бумажка с коротким текстом: «Ненависть летатлинских двигателей к встречной туче саранчи». Что-то они стали рассеянными. Возраст.

В моих мыслях продолжается спор с братьями, уже более откровенно (хотя может быть все еще с некоторой оглядкой на моего невидимого соавтора-соглядатая).

— Ваши жопы откровеннее ваших лживых уст. Извините за соленое слово, но как же с вами говорить, если вы забыли, что мы все друг другу родные, живые существа, юркие насмешливые насекомые в шкуре Вселенной. Зачем подводите нас под монастырь?

— Между нами, придурками говоря, монастырь не лагерь, там устав менее строгий, как раз для начинающих. А насчет насекомых, может кто-то из присутствующих и полагает про себя, что он один из них, но мы категорически нет! Мы не насекомые! Мы право имеем!

— И будет вам за стенами Галактического центра скоро видение, Стенька на вашей стенке, с серебряным кинжалом в зубах. А потом, стенка на стенку, наши позвоночные, списочники и особоучетные против ваших невротиков, пневматично запредельных и бесовски бесключепроволочных. И падут три кота, на которых держится ваш мир: Кот Шредингера, Чеширский Кот, и Кот да Винчи — под ударами могучих лап нашего Уголовного Котэ.

— Почему? Да потому, что у вас, у насекомых, в отличие от нас, гомосапиенсов, нет внутреннего стержня, один экзоскелет, и еще гонор...

— Позвоночники, а где ваша гордость? Костные вертикали, горизонталы, диагонали, все вы ложитесь в пирамиду власти. Говорят, что опираться можно только на то, что оказывает сопротивление. Какое сопротивление, если вы зажаты так, что даже пикнуть не можете. Долго ли продержится такая пирамида?

— Осторожно, осторожно, Казимир. Метафоры манят, но обманывают. А пафос еще никогда никого не защитил.

Чей это голос? Вопрос остается не выясненным.

Вдруг разрывается ткань мира, входит Мо и осторожно закрывает за собой занавес материи. Ее темные глаза непроницаемы, но кончики крыльев нервно трепещут.

— Вот ты где, а мне нужно с тобой обсудить важное дело.

Чтобы меня найти она преодолела тысячи световых лет и сотни опасностей.

Послушно встаю.

Споры с мировым злом остаются недиспоренными.

Меня зовет Мо.

Но в один прекрасный день я сюда вернусь. Для того, чтобы снова отовариться дарами Дамноса, для того, чтобы послушать новые сказки золоченых соловьев на берегах галактической Old Man River.

Откровенные рассказы свидетеля атаки легкой кадавергардии

*Though grave-diggers' toil is long,
Sharp their spades, their muscle strong,
They but thrust their buried men
Back in the human mind again*
W.B. Yeats. *Under Ben Bulbin* 21-24

В один прекрасный весенний день я гулял по городу N, одного из самых блистательных (хотя и не очень крупных, 20 миллионов жителей) столиц нашей галактики. И неожиданно увидел на скамейке придорожного парка постаревшую, но все еще очаровательную и стройную А, вдову известного диссидента и моего друга М (конечно, друга, хотя встречались мы с ним не часто, живя в разных городах). Я подошел, но в первую секунду мне показалось, что А отнюдь не рада моему появлению.

— Странно! Как вы разыскали меня? Кто вам сказал, что я здесь?

Для меня ничего особенно удивительного в этой встрече не было, так как на Земле при нашей последней встрече А сама рассказала, что сейчас в основном пребывает в N. (Для тех, кто не силен в космологии и галактографии, могу добавить, что этот город находится у самой границы огромной и нами, землянами, мягко говоря, не слишком любимой могущественной империи динозавров.) Я сказал, что приехал на конференцию по сенсуальным аспектам времени, напомнил ей о нашем разговоре и признался, что на встречу никак не рассчитывал, адреса ее я не знал. Но ведь судьба любит нас поражать. Если Вселенная состоит из историй, то судьба из сюрпризов.

— Да, это так, засмеялась она и предложила вечером всем посетить знаменитое кафе Ai. Нас будет трое: я, мой друг Василий Богуславович Симплетон (брат знаменитого Сережи Симплетона) и, конечно, А.

К сожалению, А не дала номера своего телефона, а я не догадался спросить. И отсюда пошла-поехала цепь недоразумений. Поближе к вечеру у меня прорезалась чудовищная чихотка. Врач, с которым я связался, сообщил, что болезнь вполне безобидная, но предупредил, что в таком виде мне не следует появляться на улице. Местные жители могут не понять. Для поиска А в огромных залах Ai я снабдил Симплетона собственным портретом (электронные чернила, формат А4) и отправил его в кафе, а сам остался в отеле у окна. Это оказалось не скучно. Близовизор, встроенный в окно, позволил мне увеличивать те или уличные сцены, а то, что публика у гостиницы была весьма экзотическая, и говорить нечего. Тем не менее, я уже собирался включить связь с Симплетоном, чтобы удостовериться, что все в порядке, и заодно еще раз принести свои извинения А, но тут мое внимание привлекло нечто экстраординарное. Из-за угла неторопливо вышел не кто иной как сам мой умерший друг М. Я приблизил его изображение, дал максимальное увеличение. Да, сомнения не было. И все же, это удивительное обстоятельство не было главным сюрпризом. Шляпа М была задвинута по

самые брови, воротник был поднят, но налетел ветер, и мне на секундочку показалось, что я вижу трупные пятна. Какая сильная метафора возвращения к жизни, и заодно возвращения ко мне (back in the human mind again)! Мое сердце екнуло восторженно. Магический город N!

Но тут до меня дошло. Вот оно что! Понимание как вспышка старомодного фотоаппарата осветило не только виденное, но и некоторые эпизоды нашей молодости. Да он же Зомби. Зомби Космократа. Точно! Именно эти слова являются ключом к тому, что я вижу.

Что я знал о косгосзомби, о государственных «зомби-невидимках» Космократа? Знал, что некоторые одаренные, но не слишком широко известные люди как будто стали после смерти появляться в виде неуловимых живых мертвецов на территории соседних империй.

Но дальше были одни вопросы без убедительных ответов. Чем они занимаются? Логично было предполагать, что разведкой. А как насчет активного воздействия? По просочившимся в желтую печать сведениям они ничего такого грубого вроде не совершали. Чаще всего подправляли некоторые политологические параметры миров-мишеней. В этом я понимаю мало. Но одним словом, они как будто вовлечены в события, мало что говорящие широкой публике, хотя и тревожащие определенные слои мировой космократокритической элиты.

Были и слухи о том, что в некоторых случаях не без их помощи похищаются некие обольстительные плоды с технологического дерева (особенно, если они плохо висят). Но все происходило деликатно и незаметно. Вот З (то ли зомби, то ли змеи) были под деревом, а вот уже и след их простыл. А нанизанные на наноносители плоды оказались привязанными к прозрачным воздушным шарам и улетали неведомо куда, в какие-то страны, где им будут рады больше, чем на их родине... Легко и изящно, вместе с сухими осенними листьями.

Что делают зомби с живыми? Для мистически настроенных живых существ из самых разных слоев населения общение с ними представляет огромный интерес. В результате зомби отличаются социальной сверхмобильностью, столь подходящей для сбора сведений о неведомом и невидимом, их контакты тянутся от клошара под мостом до секретаря в дворце. При этом и клошары и секретари будут молчать о своих сокровенных и постыдных контактах с миром иным.

Но если это так, то не шепчутся ли зомби и с мертвецами и умирающими? Не вербуют ли они мертвецов? Или все рассказы об этом суть фантазии перепуганных обывателей? Но нет. После многих лет тренировки в мире Космократа (а по некоторым сведениям и в тренировочных лагерях RSGigaL) у госзомби должен был накопиться серьезный опыт общения на все случаи жизни и смерти.

С легкой руки некоторых журналистов считается, что достаточно верный признак присутствия З(н)К — это накопление их родственников, жен, мужей, детей в близлежащих звездных системах, для встречи своих дорогих после окончания операции. Об этом стало известно по материалам желтой прессы, но есть свидетельства о том, что и в спецслужбах самых разных галактических правительств были созданы сверхсекретные

программы слежения за родственниками потенциальных зомби. Правда, они оказались на редкость малоэффективными. Выяснилось, что родственники собираются к моменту, когда все уже сделано, осталось только, так сказать, нажать на кнопку.

И, с другой стороны, подозрительных мертвецов в мирах подвластных Космократу оказывается некомфортабельно много. (Таков у нас в галактике моральный климат, коллеги покойных в лучшем случае сплетники, а в худшем — настоящие змеи.) Но как доказать — зомби или не зомби? Нельзя же эксгумировать сотни тысяч могил в чужой империи. А бодрых путешественников, подозрительно невинно себя ведущих вдовых стариков и старушек, во Вселенной вообще предостаточно.

Некоторые мои знакомые говорили, что новые Зомби лишены спеси и ненависти обычных тайных агентов Космократа. Это не чудовища народных легенд, а джентльмены (как сейчас говорят на Земле, джентльмуны, нежные луны) иного мира. Большую известность получили несколько фото, где они мудро улыбаются в изысканные шарфы, закрывающие трупные пятна на шее.

Что с ними происходит дальше? Говорят, что после неминуемой второй смерти, и только тогда, им вручают закрытые правительственные награды, такие как орден Вен (изысканного цвета венозной крови). К награде прилагается отдых в виде чуть ли не двумерных Тентенов (теней теней) у RSGigaL. Она сама, как правило, на этой стадии уже не вмешивается в жизнь этих тончайших существ и сопровождающих их (чаще всего несколько более материальных) лиц, при условии, что они не гнушаются отведать пищи не-миров.

В галактическом конгломерате наций попытки объявления зомбарго Космократу провалились. В публичной политике легко прослыть параноиком. К тому же, разве Космократа, этого авторитарно лингвистического лидера гуманоидов можно сравнить с его соперником, Галактическим злодеем Токсикодендромом, одиознейшим императором мира ядовитых плющей? Осторожные и рассудительные интеллигенты во всех уголках галактики отвечают на это громким и весьма дружным «нет». И по соображениям реальной политики акции против Космократа банируются на корню.

Существуют и страстные существа, маккартионарии. Они были бы рады действовать. Но и они в наш просвещенный век понимают, что недоказанное обвинение, если его неосторожно пустили в ход, это такой Stain, который остается с живым существом на всю жизнь. Никто не будет больше его слушать... И как докажешь обвинение? Зомби подвижны как ртуть, а при малейшей опасности превращаются в обычных мертвецов.

Да, да! В нашем мире это так. Слава победителям. Слава убедителям. (Космократ относится и к тем и другим.) И трехкратный позор неуверительно неубежденным.

Вернемся в номер гостиницы. Связь с кафе установилась, но Василий Богуславович сообщил смущенно, что он уже собирается на выход. А происходило вот что. Увидев его одного, А изменилась в лице, исчезла минут на десять в *lady's room*, но появилась снова с самой дружественной улыбкой на лице, передала для «нашего дорогого больного» банку домашнего варенья, и тут же попросила себя извинить. Ей нужно вернуться в квартиру дочери, где, как она только что узнала, прорвало канализацию.

При этом прорезался удивительный акустический феномен. Каким-то не совсем понятным образом время от времени было явственно слышно то, что говорилось в дамской комнате. Может быть дело в том, что Аи располагается в древнем замке. А в прошлом в замках любили и умели устраивать подобные фокусы. Возможно, что и сама А нервничала, и не контролировала громкость своего голоса. В любом случае, на записи, которую Симплетон сделал на своем ушастике (не простой он парень, оказывается), явственно были слышны некоторые слова: «истинный swine... заболел... не исключаю... какой дорОгой... joder... этого я и боялась... да, естественно подготовила... конечно, но вдовый комитет... будет против... да согласна... главное.»

Имеет ли это какое-то значение? Даже голос было трудно однозначно идентифицировать. В остатке осталось одно недоумение.

И еще одна досадная мелочь, варенья мы так и не пробовали. Вася сумел разбить баночку.

В следующие дни мы не скучали. Из окон гостиницы мы видели скамейку, о спинку которой С разбил баночку. Так вот, утром она была почему-то оцеплена, более того, мигали и гудели (в частности в инфразвуком диапазоне, вызывая чувство необъяснимой тревоги) знаки радиационной опасности. Какое-то заколдованное место.

Днем мы чуть не попали под автомобиль, нарушавший все мыслимые правила. Редкое событие для города N, где все средства передвижения снабжены динамическими блокираторами. А вечером мы были свидетелями того, как с крыши упало несколько кирпичей, Лишь по счастливой случайности они не задели нас.

Было страшновато. С даже грешил на А и М. И нехорошо пошутил насчет альфа и омега. (Подразумевалась наша омега.) Но нет, не может быть, не могу думать плохо о друзьях. Я не имею силы ополчиться на них. — Они же, явно, имеют внутреннее право на все, ухмылялся циничный С.

И все равно я не...

А потом нам сообщили об этом ужасном взрыве в империи динозавров.

Я был буквально раздавлен.

Я стольким обязан динозаврам, я там жил много лет под защитой их гостеприимного мира. (И в то же время я родом из империи Космократа. И М и А мои друзья.)

Даже если я хотел бы остановить что-то ужасное, которое надвигается на мир... Какие я могу предъявить твердые факты, и кому?

Что мне делать сейчас? Даже просто — что думать?

Ужасный век, ужасные сердца. Как заполненные тяжестью ненависти, так и нагруженные тяжестью (не) содеянного под флагом доверия, любви и верности призракам.

Я начинаю понимать RSGigaL, богиню черных дыр, чье сердце на весах Маат тянет на несколько миллиардов солнц. Гляжу на нее, стоящую перед моим мысленным взором —

гляжу не как одна из ее сов, а скорее как улитка на грозную гору Фудзияма, и сердце сжимается, сжимается.

И я понимаю, что отныне я буду постоянно жить глубоко под водой кошмарных снов, кошмарных воспоминаний и кошмарных предчувствий.

Быть Аммонитом некрасиво. Что некрасиво? Невозможно. Эти головоногие молчали сотни миллионов лет, хотя им было невыносимо тяжело. И потом они вымерли.

Кто мне скажет — когда толерантность переходит в талейранолюбование, савинколюбие, азефоблудие?

Как выбраться из удушающего подводного мира аммонитов к солнцу?

Но вот, отчаянный рывок, и осуществилось... Лети, лети, рыбка *Echocoetus volitans*... Лети, расправив плавники. Ты думаешь уже не о зомби, но все связано, понимание едино. Пусть твой полет над морем будет счастливым и высоким. Пройдут миллионы лет и тебя понесут в чистом небе настоящие крылья.

О перспективах развития мамонтоводства на центральной комарино-ягодной низменности

Мы выезжаем из великого города П., столицы Оловодья, на магнитном серфе Сокол. Какой Сокол? Уже давно выветрился запах столичной колбасы, на картах нет Соловьиного Союза, а красавец серф по-прежнему называют не иначе как «Соловьиной колбасой», и это несмотря на героические усилия служебных слухачей и неслабые штрафы. Но не верьте злопыхателям, быстрезд хорош, лучше некуда, а говорят так просто из зависти, что попишешь, социальное неравенство. Поездки на Соколе не всем по карману.

Меж тем медленно отплывает в прошлое суета вокзала с традиционно огромными очередями у рамок бякоискателей. От столичной жизни остается лишь нечто неуловимое, атмосфера изощренности и нежная, ненавязчиво тонизирующая музыка Симора Гласса. Мы с О. сидим в купе на две персоны. Рядом на полке стоит корзинка с цветами и провиантом от Мопса (вы наверное догадались, МПС — Министерства путей сообщения, а мы его постоянные клиенты). Все быстрее и быстрее проносятся мимо спирали бетонных транспортных развязок.

И вот городские улицы заменяются сначала дачными поселками, а затем белесыми полями с редкими вкраплениями небольших, но роскошных барских усадеб, иногда и огромных, с узкими бойницами окон бандитских замков. Конечно, есть кого позвать на ночной пир привидений... Но мы не ждем тебя сегодня, Хатани! Слишком устали, помещански выпиваем рюмочку бренди и стакан горячего, отдающего сладким навозом молока из автомата, стоящего в углу купе. Ложимся спать. Утро вечера мудренее, мамонт коровы прогрессивнее.

Когда мы просыпается, мимо нас в утреннем тумане проносятся бесконечные и унылые лагерные бараки. Но вот уже у дороги выстраиваются плакучие осины, заметно, что в рощах прячется резное дерево, тридевятая губерния, знаменитый Конопадск. Пересадка на облупленного оловянного ужа, украшенного кощунными каракулями. Но внешность обманчива, в чреве Губернской стрелы (вот как он официально называется), в купе, все оказывается довольно уютно. Старомодные глубокие диваны с красной кожаной обивкой (судя по сладковатому запаху и грубой выделке сохранившиеся с лихих времен мясного мамонтоводства). Где-то дальше по коридору даже играет живая музыка. Блеск!

Рогатые девы в режиме реального времени разносят чай на Алтайских травах, ароматные пироги с капустой, и конечно ватрушки с мамолыгой, творогом из мамонтова молока. Хотя в народе и говорят, что «мамонты не наши мамы» и «пацаны мамолуху не пьют», но как вкусно! Особенно здесь, где все продукты свежее некуда.

Правда, чтоб жизнь не показалась медом, поезд идет неровно, а через часик, после моста через речку Чудовка, нас начинает нещадно трясти. Не иначе как местные ОПГушники разобрали каждый второй контур и вывезли в Забугорье. Точно, я так и думал, вот уже

где-то поблизости кричат Кикимыры и Кикиманджаро, а вот в окно заглядывает Красавица Яга. Просвечивает другая реальность. Ясное дело, половину магнитов «национализировали».

Но вот граница тридесятой губернии и все мгновенно прекращается. На этот раз повезло! А могли бы обогатить статистику загадочных транспортных происшествий.

Подходит кондуктор. Напоминает, чтоб на выходе мы не забыли надеть Очки (тем, кто родился в Оловодье, нет необходимости объяснять, что имеются в виду АРО, аннотирующие и редактирующие очки, не какие-нибудь тайские, а отечественные, сделанные по федеральной программе Массаж мозга).

— Обязательно будет проверка. В нашей губернии с этим сейчас очень строго.

Да, да, мы понимаем. Чтобы ненароком не нарушать законы о гостайне, берем тут же в вагоне напрокат АРО, сертифицированные для тридесятой губернии.

Выходим. За воротами вокзала машинально опускаю руку в карман. Что такое? Там лежит что-то прямоугольное. Достая. Боже мой! Это пакет с двумя книгами. Во-первых, экстремистская брошюра «Молот молокососов» и во-вторых, осужденная АП за ППП книга «Моби Дик» (для тех, кто не знает Оловодье, расшифрую: книга была осуждена администрацией президента за пропаганду порнографии среди подростков).

А оловянная мелочь из кармана исчезла. Выходит, что мы эти книги как будто купили. Не простой у нас был проводник. Не простой. И к тому же, хороший душевед, понимал, что мы на него не донесем.

Щелкаю пальцами. Чемоданы послушно покатались за нами. Поле налицо. А как насчет позиционирования? И тут — к нашему облегчению — с идеологического козла-вожака нам отрезается клочок шерсти. Экономим как минимум 10 врубλικов. Ай да АРО, кто бы мог подумать, они уверенно показывают дорогу и выводят нас кратким путем к привокзальной гостинице, которая находится на расстоянии пешей прогулки по кривым переулкам. Здесь мы будем ждать формирования группы для сафари. По всей вероятности уже завтра мы увидим рыжее золото родины.

Через несколько часов выходим в город. Нас уже не удивляет, что АРО уверенно ведет нас. Но что-то не так. Где патриотический солдатский юмор в аннотациях, где помехи, предназначенные для вездесущих шиповников (и мешающие жить всем кроме самих шипионов)? Таких простодушных очков в бывшем Соловьином Союзе не бывает. Значит, выключили первичный пояс обороны, без которой наша страна, как везде твердят, обречена.

А может быть, у них губернский праздник и возникло мнение, что даже рядовые пьяные гости должны уверенно найти дорогу до гостиниц? Нет! Надо брать выше! Вероятно, приехала парламентская делегация Африканского Союза.

Как бы то ни было, все дороги ведут в трактир. Подходим к знаменитому заведению Пастушья сумка. Нас просят подняться на балкон для туристов. Внизу находится то, ради чего туристы (и мы в том числе) валом валят в ПС. За дубовыми столами, опустив голову,

пьют бесплатное имбирное пиво грубые волосатые парни с массивными головами и огромными кулаками, пастухи мамонтов, пастарбайтеры.

Откуда они? Один знакомый криптоисторик рассказал мне, что те существа, которых называют пастарбайтерами, неожиданно для всего мира появились из каких-то тайных пещер и потянулись к первым крупным мамонтоводческим и мастодонтоводческим хозяйствам.

То, что я запомнил из его рассказа я пересказываю О. своими словами. Благо что обстановка способствует.

Итак, они пришли из пещер, и в тех же пещерах они снова исчезали в трудные для них годы. Да, вот уж трудности у них точно были. И еще какие! С точки зрения властей они разрушали устои государственного домостроительства. Прут какие-то неандертальцы, понятливые и неприхотливые, но — о Великое Пассионарное Пузо! — без документов и даже без имен. Вывод — депортация. Но куда? Для них стали создавать лагеря. Но оказалось, что колючая проволока для них не помеха. По ночам они каким-то непонятным образом уходили из самых технически продвинутых лагерей.

Что же говорить о Патриотах Оловодья. С их точки зрения то, что произошло, означало цивилизационный крах. И они потребовали принятия самых экстренных мер. Были случаи самосуда с применением стрелкового оружия. Даже самые умеренные из них предлагали кастрировать пришельцев.

Правда, неожиданно оказалось, что с появлением пастарбайтеров при стадах ушли в прошлое разрушительные «бунты мамонтов», которые, казалось, похоронили мечту о развитии слоноводства. А без этого нашему государству было не выжить после истощения запасов нефти и газа.

Это решило дело. Победил прагматизм. Большинство пастухов снабдили Бунзеновскими паспортами — клеймом под левой лопаткой. Дикари не протестовали. Были, конечно, перегибы и в одну и в другую сторону, о которых твердят разные продажные правоохранители, но сейчас все устаканилось к полному моральному банкротству врагов.

Учитывая неслыханный рост благосостояния, в этом году даже разогнали Оловянный марш, и дали реальные сроки нескольким предводителям наци, которые громогласно требовали кардинального решения проблемы пришлых при помощи нанопылевых камер. А также ввели изменения в Index librorum.

Но тут я должен прервать свой рассказ. Между столами проходит знакомый нам по портретам полицмейстер, его оловянное сиятельство князь Мастодонтов. В парадном мундире, и при этом один, без охраны. Отчаянной смелости человек. Жандармская косточка. Жестом руки успокаивает сидящих. Меж тем отдергивают занавес правительственной ложи. М. очевидно просит туристов, сидящих у самой ложи, куда-то пересесть. Толпа официантов спешит на помощь. Все. Порядок.

Мы с О. сидим недалеко от ложи, но нас не трогают. Живой источник! В ложе появляется кумир диссидентов, мамонт мятежной мысли М.М., и при этом вместе с самим

национальным лидером Велимиром Хулимировичем. Нечто очевидное и невероятное. По меньшей мере, это исторический момент.

Стекла АРО темнеют, но звуки, очевидно из-за какого-то дефекта, урывками даже усиливаются. Испуганно оглядываюсь. Нет, другие, очевидно, ничего не слышат.

Что за очки мне всучил кондуктор? Какой ужас! А то мы думали, что он просто симпатичный и в меру незаконопослушный пират. Нет, то, что произошло, выходит за рамки пакта Дамноса. А, может быть, этот кондуктор работает по совместительству на печально знаменитую НКО Иностранное дело, и, по хорошему, должен носить на рукаве три желтых треугольника?...

Я замираю, втянув голову в плечи, и вот что я, сам того не желая, слышу...

Губит... разование... куров... цветание... зем... мамонт... мамолыгой ... ГМО... мы все... ператив... мамонтов... либералов и студентов... тозАки... казаки... кошачья свадьба... лог... гины... пропаганда... педералов... золото... ертвых... город солнца... что вы... конечно, не лемуры.

Звук исчезает. Слава де, никакой гостайны мы не узнали.

Через некоторое время стекла светлеют, и мы видим, что ложа опустела. Можно и наверно даже нужно покинуть свои места. Большинство туристов думает так же как и мы.

На обратном пути в гостиницу мы доверились инстинкту столичных жителей и не обсуждали того, чему мы только что стали свидетелями.

Просто говорили о том и сем. Почему-то (может быть от исторического, данного нам только что в наших ощущениях, нас потянуло к историческому глубинному) вспоминали, как в дни нашей молодости мы вместе любили гулять у Биржи Правосудия на стрелке Кошачьего острова. Сколько сделок между обвиняемыми и следствием, между истцами и прокурорами, определивших будущее моей страны, было здесь совершено.

И сколько новобрачных фотографировалось здесь на фоне покрытой рябью Соловьянки, совершая мистический брак с другой, невидимой рекой, с рекой времени, вписываясь в поток лиц и судеб лучших и худших людей нашей страны. Какой инстинкт вел их?

В гостинице мы узнали, что сафари переносится на два дня. Увы, наши обратные билеты были на послезавтра.

В качестве компенсации нам предложили контрамарки на балет Царевна-лягушка (21+) и на следующий день бесплатный завтрак в Президент-отеле (Дамнос очевидно улетает) с доставкой на вертолете.

Мы были рады и такой, не слишком щедрой компенсации. Хотя бы потому, что мы очень любим Царевну-лягушку. К тому же, спор ни к чему не привел бы. Государственные интересы. Форс-мажор.

Так или иначе, два дня действительно пролетели незаметно.

И вот мы снова на вокзале. Кондуктор тот же самый, или, по крайней мере, похож на того, предыдущего, как две капли воды.

Я не задаю лишних вопросов. Меньше спрашиваешь, дольше проживешь.

Но, возвращая очки, я все же позволяю себе несколько грубоватую шутку.

— Хорошие АРО, сплошной Адреналин-Раш, Охренеть можно! — говорю я ему тоном заговорщика.

Он смотрит на меня прямо, не моргая бездонно темными лошадиными глазами.

— Так говорят многие, сэр.

Партизаны на привале, или будни бунтарей

Мюна выходит на крыльцо своего легкого летнего дома. Дети спят. Сад сияет влажной зеленью. Мюна поворачивает голову. Никаких любопытных глаз соседей-динозавров. И она, решившись, своими острыми жвалами прямо на грядке впивается в сочный лист кикапусты. Та вздрагивает, издает неслышимый вопль. — Успокойся, успокойся, — Мюна гладит круглую головку. — Ты мне, я тебе. Ты же знаешь насекомых. Мы вас опыляем. Лично я обещаю защитить тебя от моих маленьких прожорливых собратьев. И уход будет, и полив. И млекопитный навоз. Взамен прошу самую малость, необременительную ежедневную жертву. Вы, растения, привыкли делать подарки полезным друзьям, кому плод, кому нектар. А я прошу только листочек. Я пришла за листочком, Ки! Потерпи немножко, вот и все на сегодня. И запомни, я обещаю заботиться о твоём роде до седьмого колена. Мне бы так жить, милая.

Ну и чувствительная натура. С ней не соскучишься. Пока договоришься...

А сейчас быстро направить рукопись в журнал Баллон. Пока дети спят. Ненавижу эту ярмарку амбиций, но... «надо рукопись продать». Волка ноги кормят, жука-литератора вторая реальность.

Merde! Не хватает только дальнего звонка.

В тихом пригороде Ага смотрит на яйцо. Шарит на столе и подносит к близоруким глазам томограмму. Растет отличный маленький динозаврик. Еще несколько дней, он вылупится и она станет прабабушкой. Но что это?

Яйцо говорит мерзким голосом ребенка из рекламного ролика: — Прабабушка, ты не пошла в поликлинику чистить пепельницы в коридорах спецконтингента? Лучше бы пошла. Скоро тебе будет не до работы. Будешь нянчиться со мной днем и ночью. А я такой... хи-хи-хи... маленький садист. Бесенок. Бабушкочед. Самому страшно, не ребенок, а сущее наказание.

Вот тебе на... и выхода никакого. Не будешь же разбивать яйцо.

Что это? Вызов. Дальний вызов. Какое облегчение, после этого кошмарного голоса.

— Ага слушает!

Роза Заката нежится под лучами вечернего солнца под огромным потолочным окном. Похожие на крохотных улиток миллироботы чистят ее блестящие листочки,

нежные бутоны и коготки-шипы. Это длится... и длится. Она никуда не спешит, отдыхает душой и телом, и тем временем напряженно работает. В каждом листочке пишется своя энграмма памяти — стихотворение для ее нового (и как она надеется скандального) сборника эротико-политических поэм, посвященных великому властвующему воину Токсикодендрону. Несколько сот стихотворений одновременно. Конечно, требуется предельная концентрация внимания. Но ей не привыкать. Сладкая слава поэтической проститутки обязывает.

И вдруг, совсем некстати, зажигается красный сигнал срочной дальней связи.

Инсектоимператор уже час как занимается на тренажере. Крепкие ноги без устали крутят педали, невероятной длины усы вздрагивают в такт движениям, сливаются с пульсирующими в голове свирепыми мыслями.

Все-таки я сожгу столицу плющей. Какой будет прелестный опуп... Надо заказать натуральные самоцветные очки фирмы Неро.

Неслышно входит адъютант и застывает у дверей по стойке смирно.

— Что тебе?

Адъютант делает несколько шагов вперед и, молча, протягивает депешу на золотом блюде. Император читает.

— Забавно. Забавно. Но какой же я бунтарь, право. В юности, да. Меня даже называли принцем-революционером... Было такое время... Пусть Микки напишет ответ. На моем личном бланке. Я согласен.

Лишайник Ли тихо фотосинтезирует, напевая что-то неслышное.

Вдруг в мелодию воображения вторгается какая-то помеха. Что это? Дальняя связь. Оргкомитет сообщает... Появляется список, мелькает фотография ее подруги Мюны. Ждем Вас... Еду!

В глубоководной впадине Единого океана на Темной планете осьминог Рапа лежит на плоском камне и меняет цвета. На цветном фоне с огромной скоростью пробегают письма. Астральные анализаторы сотен новостных, литературных и шпионских агентств в соседних измерениях пространства щелкают лихорадочно. Надо успеть. Все что написано на коже Рапы может через короткое время стать мировой сенсацией.

На этот раз получается облом. Рапа гоняет на огромной скорости тексты экстремистских листовок разных космических рас. Ничего своего. Одни цитаты многодневной давности.

Даже адепты постмодернизма слегка приуныли. В лучшем случае две строчки в светскую хронику. А кто заплатит за аренду оборудования?

Вдруг текст останавливается. Что за посторонний сигнал? Рапа включает патентованную одноразовую шифровку (сделана на Земле, 100 врубλικов, но она того стоит).

Ну, что мы тут имеем? Ага! Приглашение. От друзей.

Лавиния разговаривает со своей сестрой Пеле на вершине вулкана на высоте пяти километров над уровнем моря. Одно из немногих мест, где с таким комфортом могут встречаться богини льда и пламени.

Вдруг отваливается огромный камень, а под ним сверкает Приглашение. Пеле, которую прервали, нервно взрывается снопом искр. Прохладная громада Л медленно поворачивается.

— Поеду, обязательно поеду, думает она.

В Дильмуне, как всегда, полдень. Динозавр Дино, подпирая лапкой голову, листает звездный атлас.

Откуда этот странный звук? Дино шарит по тумбочке. Что это за вибрирующий комочек? Мой мобильник!

Прыгша — пучок растрепанных кружащих листьев — возвращается темной аллеей из танцкласса, где она на правах живой богини морочила голову молодым динозаврам. Дует пронизывающий ветер.

Вдруг ствол одного из деревьев вспыхивает разноцветными огнями. Приглашение на разговор.

Резиденция духовного лидера суеверных анархистов.

— Ваше сумеречное сияние, Вас приглашают на ужин в клубе бунтарей.

— Ха-ха-ха, какая замечательная шутка. Конечно, мы туда полетим, мой пятирукий друг, не правда ли? Никому не скажем, вечером туда, послезавтра обратно. Вместо себя оставим голограммы, двор ничего не заметит...

Мансарда киллера Эксэксэкс. На стенах висит экзотическое оружие со всех уголков Галактики.

— Я слушаю.

— Он согласился.

— Понял. Немедленно достаньте два билета до Лесной планеты. Два билета. На первый рейс. Что значит «нет мест»? Организуйте пропажи, отказы, кражи, все что угодно. Любой ценой.

Я вскакиваю из кресла. Я у себя, на Земле. Но что это было?

Угадываю присутствие какой-то срочной депеши.

В темноте не-миров RSGigaL, антигероиня антикосмоса, при полном молчании моется серой пылью в пустой комнате, облицованной черным кафелем. Птичьи ноги совершают неуловимые движения. Лицо спокойно. Ей прислуживают две неестественно белые девушки, чьи черты как будто сошли с полотен прерафаэлитов.

Вдруг в воздухе начинает сгущаться тревога. Мелькает тепловой луч вызова. Приходит сообщение о том, что все готово.

Мы на Лесной планете. За окном маршируют колонны огромных красных муравьев в новых хитиновых кирасах. Лесная империя готовится к войне. Однако туриндустрия планеты продолжает работу в обычном режиме. Это слишком важный источник дохода для всей планеты. Поэтому сбои исключаются. Почти исключаются.

RSGigaL (обводит глазами уютный подвал) :

— Все на месте. Приветствую тех, кого знаю, приветствую также наших новых замечательных друзей.

Надеюсь, что вы все уже успели умыться нашей музыкой. Память, сознание. Сеть знаков препинания. Вневременные синхронизаторы свободны от шелухи. Похоже, что так. Ужас в норме, страха не вижу. Ненависть в основном сброшена. Открытость достаточная. Это не просто слова. Мои люди притащили некоторые сканеры от ворот иного мира. И еще пригласили детей из галактического центра на праздник. Поэтому я могу сообщить, что индекс детского испуга (ИДИ) у нашей группы не выше 0,11. Очень неплохая цифра.

Рапа: Я не ослышался, графиня? У вас ИДИ 0,11?

RSGigaL: 0,11 у тебя, чучело. У остальных меньше. У меня в данный момент 0,03. Конечно, если я хочу, будет хоть 1,00. Не об этом речь.

Рапа: А кто считал?

RSGigaL (сухо): Я сама. Главное, честность исследователя.

Рапа: Не сомневаюсь.

Мюна: А что это за тесты, бабушка? Мы ведь вольные бунтари...

RSGigaL: ...без страха и упрека. А вот в этом последнем всегда приятно убедиться.

Прыгша: Какое же тайное общество обходится без проверок и ритуалов?

RSGigaL: Вот именно.

Ли: Но это ведь страшно.

RSGigaL: С вашим нулевым ИДИ вам последней должно быть страшно.

Инсектоимператор: Извините, но в отличие от большинства из вас я существо сугубо деловое. Мне не дает покоя вопрос, для чего нас всех сюда пригласили. Общество прямо скажем неоднородное. А дома срочные дела.

RSGigaL: Помилуйте, генералиссимус, что может быть важнее простого отдыха в кругу друзей?

Инсектоимператор: А все-таки...

RSGigaL (смеется): Да, вас с толку не собьешь. Так и быть.

Вы все наверно знаете Вселенскую программу: Расскажи сказку. Подразумевается обмен сказками между разными Вселенскими расами для снижения уровня нетерпимости. Хотя я и считаюсь духом отрицания, но в этом пункте я — за. Но с одним «но». В программу следует включить сказки не-миров. Пока хотя бы неофициально, партизански.

Не мне объяснять, что в не-мирах сказки рассказывают не детям, а старикам. И это как раз настоящие сказки, хотя они и звучат нелепо, а сказки миров существования, особенно в своем цивилизованном, анемичном виде, это лишь их тень.

Привожу пример. Не лучший и не худший, а просто подходящий для текущего момента.

«На пути к городу Дамаск, на поляне стоит дуб. На ветвях дуба лежат глаза, руки ноги свисают, делать им нечего. Лежат и глядят. Мимо дерева проходят животные, но глаз они не видят. Не могут поднять голову, у них остеохондроз, ковыляют в поликлинику на капельницы, потом еле доходят до дому. Тяжело.

Но вот идет к дереву жираф. Он большой и у него длинная шея. Вот его глаза и видят глаза, которые смотрят ему в глаза.

— Тише! говорят глаза глазам. Никому ни слова, ни картинки, а то мы скажем докторам, и они вас ночью замочат.

Глаза жирафа зажмурились от ужаса. Остановился бедный жираф. Темень.

Тут ему приходят на помощь хитрозадые лягушки-пустокваки из лужи.

— Да иди ты, иди! — говорят они. — А то будет у тебя вечная ночь.

— Какая вечная ночь? Бред какой-то. Наверно грозовая туча, лучше остаться под деревом, — подумал жираф. — Но что-то очень темно. Ужас. Вдруг лягушки правы.

Ему стало очень страшно, и он пошел. Шаг, второй, третий, четвертый. Вот и отошел от дуба. Когда глаза жирафа поняли, что им уже ничего не грозит, они принялись за свои обязанности. Жираф увидел свет дня.

— Вот это да! — подумал он. Выходит, что лягушки дело квакали. Кто бы мог подумать!

И еще он подумал, что отныне будет верить даже тому, что звучит абсурдно. *Credo quia absurdum.*

Для начала он решил на следующий день пойти в гомеопатическую клинику, а на обратном пути завернуть к сове-гадалке.»

Дино: А откуда на дереве глаза? Что это за глаза такие?

RSGigaL: Не знаю, милый, сама хотела бы узнать.

Прыгша: Мне кажется, что это сказка о том, что мир это танец, а остановка в этом танце подобна вечной темноте, то есть смерти.

Ага: А мне кажется, что жираф был готов снести яйцо. Яйцо это было большое, и, когда жираф натужился, то в глазах его потемнело, и он потерял на несколько минут сознание. Так бывает.

Я: Ага как всегда права! Я бы сказал больше. Во-первых, это очевидно был сумчатый жираф. А во-вторых, он готовился снести мировое яйцо. Яйцо, из которого потом возник мир.

Это известный космогонический миф. А во время его blackout в нашу реальность проникло зло. Отсюда и эти жуткие глаза и ужасное слово «замочить».

Причинно следственные связи в этой истории несколько scrambled, но так часто бывает в снах, как в пророческих, так и простых.

RSGigaL: Вашу руку, товарищ! Мне очень нравится трансперсональный подход и я всегда знала, что в случае чего могу на Вас рассчитывать.

Дино: Мне кажется, что это не совсем так.

Все (хором): Какой очаровательный юношеский максимализм!

Его сумеречное сиятельство: А со мной произошла странная история в реальной жизни. Мной в последние месяцы интересуется один очень талантливый молодой человек. Написал обо мне статью, выслал семейное фото, напрашивался в гости, я еле

отбился. Не люблю такое внимание к своей персоне. И вот я прилетел сюда, а он уже здесь. Видел его в Космопорту. Как он мог узнать? Удивительное совпадение. Может быть, он приехал на встречу с кем-то из вас? Его имя Эксэксэкс.

Лавиния: Как же, у него ИДИ 0,86 (в голосе Лавинии звенит лед). Но я с ним встречаться не собиралась.

Все уже встают.

Потом были игры, домашнее музицирование и песни разных рас Вселенной (нам с Дино почему-то заклеили рот золотой фольгой), ужин при свечах, дружеская болтовня. Раздавали сборники сказок, подготовленные RSGigaL. Все было замечательно, как всегда на наших встречах.

Но меня смутно беспокоила история с Эксэксэкс. Я его знаю, и мне совсем не нравилось то, что он находится здесь. Особенно, что он оказался здесь одновременно с его сумеречным сиятельством, которого почему-то недолюбливают многие влиятельные вельможи вселенной.

Ведь Эксэксэкс профессионал.

На следующее утро я открываю газету и вот что я вижу. Заголовок: Трагическое происшествие в горах. В горном курорте близ космопорта Волоокое окно вчера пропал без вести известный публицист Эксэксэкс. Так как по трассе, на которой он собирался кататься, прошла небывало мощная лавина, шансы найти его практически равны нулю.

Опускаю газету. Долго молчу.

Правильно говорят: что никогда не следует говорить никогда. Эксэксэкс нашелся. Он просто заблудился в горах близ курортного городка Волооколамский поинт. Он, правда, сломал руку, и общее состояние его было не блестящее, но жизнь его вне опасности. За ним уже приехал вертолет Организации объединенных планет — ООП.

Мир все-таки иррационален, друг Horatio!...

А может быть и рационален, но на довольно-таки бредовый манер.

В любом случае, он полон фактов и историй, которые терпеливо ждут нашего attention, ... и при этом выстраиваются в странные узоры совпадений и похлопываний по плечу. За ними нужен глаз да глаз.

У жукоморья Хоспис светлый

Над огромным городом, серым как осиное гнездо, разгорается красный с лиловыми полосками закат. Старик в полосатой пижаме с затравленным выражением на лице отворачивается к стенке. Еще пять минут. Нет, поздно. По коридору приближается барабанная дробь множества быстрых шагов. Больница оживает после дневного затишья. Сейчас появятся молодые самонадеянные врачи... Дежурные вопросы, осмотр, назначение ночных процедур. Потом расторопные медсестры в облегающем черном хитине под белыми халатами будут бегать с уколами, возить по палатам капельницы. Зажгутся ночные светильники.

— Глаза бы мои этого не видели.

Почему он говорит так мрачно?

— А потому, что весь персонал больницы это монстры. Вы не верите. Вот сейчас откроется дверь палаты, и вы увидите, что все они — и врачи и медсестры и санитары — все они насекомые. Деловитые, компетентные, ни секундошки не сомневающиеся в собственной реальности. А я человек. И мне здесь не место.

В зеркале у раковины отражается тучный одышливый небритый старик. Несомненный Ното, и, судя по выражению глаз, sapiens.

Видно, что он заброшен в этот до ужаса чуждый мир, и при этом не знает, как это случилось, как он сюда попал.

— Человек, повторяет он про себя... Но перед ним стоит еще один ужасный вопрос, если он здесь чужой, то почему он владеет языком насекомых?

А он владеет им как родным. Разговаривая, он не ищет подходящих слов. Речь его льется плавно. Вот и сейчас. Он отвечает на вопросы врачей, шутит с медсестрами. Последние хихикают и скрипят хитином в ответ.

Ну вот, он задает вопрос о собственном прошлом. — А все-таки, доктор, простите за настойчивость. Вы можете мне сказать, где я нахожусь? И как я попал к вам? — Слова словно замерзают на лету. Врачи и сестры отворачиваются от него, шепотом переговариваются между собой о каких-то технических деталях. Изредка косой «рентгеновский» взгляд на больного: живая картина на тему синдрома глухого уха, «глухоты паучьей». (Кстати, где уши у жуков? У кузнечиков, кажется в коленях. Надо навести справки.)

Но вот уже три часа ночи, врачи давно ушли, съеден ночной суп. Наступил тихий час. Он открывает дверь. Никого нет. Держась за стенку, старик выходит в коридор. Доходит до угла, и за ним, о чудо, в кресле-каталке сидит еще один человек.

— Эгей, тихо зовет старик. Незнакомец вздрагивает. Поворачивается к нему, ухмыляется.

— Ба! Нашелся еще один горемыка! Ну что ж, хорошо уже то, что я не один.

Оставаясь сидеть, он протягивает старику руку. — Олень. Что, непонятно? Мое имя Олень. Имя редкое, но признайтесь, весьма благородное.

— Признаю с удовольствием. Благородное, звучное. Весьма созвучное тому, что происходит здесь. Вчера я видел главного врача. Вот уж кто точь-в-точь похож на земного жука-оленья. Можно я буду Вас звать Олешкой? А я — Ясам! Мое имя Ясам.

— Ну, получается, что мы два сапога пара, Яша. Только не распускайте разум. Понимаю, Вам хочется поговорить. Хуже того, наверно накопилось много вопросов. Должен предупредить, я знаю не больше вашего. Только то, что я здесь. Все остальное — ночная пасека с черными ульями. Темно и опасно. И по моему единственное, что подлежит обсуждению, это вопрос, как нам отсюда выбраться. Да и тут ответ очевиден на 98%. Никак. Я боюсь, нам никак отсюда не выбраться. Ведь мы находимся на расстоянии нескольких миллионов световых лет от Земли.

— Откуда вы знаете? Это розыгрыш?

— Ну да, но тогда надо принять, что мы здесь только и делаем, что удачно разыгрываем друг друга. Собственные глаза у вас на что? Вы видели в жизни что-нибудь подобное? Психологическая дистанция — миллионы световых лет. Физическая — не знаю. И вы не знаете. Мы оба этого не знаем и никогда не узнаем. Но сейчас нам пора разойтись по палатам. Скоро будет предрассветный обход. Встретимся завтра на том же месте. И никому ни слова. Мне кажется, что мы не должны подавать причин для беспокойства. Подумайте сами, двое снюхавшихся землян — это уже пахнет мятежом на корабле.

Однако в течение следующих двух дней его нового знакомого на условном месте не было. На третий день старик видел, как тот, в обнимку с коренастой сестричкой заворачивает в палату. На всякий случай, он запомнил номер. Дошел до конца коридора. Возвращаясь, он слышал, как Олень громко, с варварским акцентом рассказывал какую-то байку. Слушательница восторженно скрипела.

На четвертый день сосед продолжал налаживать контакты с местным населением. Старик задержался у двери палаты. Сосед как раз рассказывал о том, как на Земле устраивались диверсии против динозавров, притом на их собственные деньги, на деньги благотворительного фонда империи динозавров. Последнее он повторял несколько раз, очевидно стараясь обязательно довести это до сознания своего визави. «...за их же собственные деньги». В голосе его звучали возбуждение, восторг и та специфическая гордость, которая присуща некоторой особой касте землян. Ну, вы знаете, тем самым, у кого ясный ум, беспощадное к врагам сердце, в одной руке паяльник, а в другой острая сосулька. Или что-то в этом духе. Слушательница ахала и местами сладострастно шипела.

Удивительно, сегодня ночью старик шел по коридору весьма бодро. Как будто сбросил десяток лет.

Что это? В палате на его постели кто-то сидит. Судя по покрою халата медсестра.

—Извините, гулял по коридору. Что, меня ждет внеочередная процедура?

— Садитесь! — Это было сказано низким властным голосом. Он сел рядом с сестричкой. Пауза. — Вы знаете, где вы находитесь? — Господи, вы еще спрашиваете... Расскажите быстрее. — Так вот, знайте, что вы находитесь в одном из трех филиалов Межгалактического Хосписа, наиболее близком к вашей планете.

— Это конец? — Не говорите глупостей. Это же не доисторический хоспис. В нашем Хосписе лечат. И весьма успешно. Вы разве не почувствовали? — Как ни странно, да. Как раз сегодня ночью я впервые почувствовал большую разницу. — Будет еще намного лучше. Но я пришла говорить не об этом.

— Извините, у меня так много вопросов. Умоляю, еще несколько минут о общем положении. Скажите хоть это: почему я говорю на вашем языке, но не помню ничего о том, как я попал к вам. — Вы задаете сразу несколько очень серьезных вопросов. Отвечу пока в двух словах. Память к вам вернется. Но не полностью. Перехода вы помнить не будете никогда. Вообще вы тут случайно. Дело в том, что живые существа попадают сюда только парами. Ну, такая техника, я и сама не понимаю деталей. В любом случае, вас подобрали случайно.

— Как приложение к Оленю? — Вы с ним знакомы? Этого не может быть.

— Познакомился здесь, в коридоре. — Какое упущение службы безопасности. Впрочем, это не моя забота. Продолжаю. Когда пара переходит к нам, это происходит не через обычное пространство. А особым, коротким путем. При этом вы проходите через некую мембрану. Это сложный процесс. Не чисто физический, а психо-физический. И в мгновение перехода вы захватываете с собой некоторые части мембраны, приобретаете ряд новых инстинктов, необходимых для выживания, а также знание нашего языка. Это новая опция. Наши мудрецы этим страшно гордятся.

— И тут я перехожу к главному делу. Я хочу быть вашей женой.

На лице старика отражается недоумение. — ??? — Объясняю. Скоро вам могут предложить обратный транспорт на Землю. Предвосхищаю ваш следующий вопрос. Олешка останется здесь. Как бы ни всплескивали лапками наши архаровцы, это его собственный выбор. Он только что сделал заявление, чем всех несказанно удивил. Опять, это не мое дело. — Может быть медсестра, с которой я его видел. — Вы, несомненно, знаете слишком много. Но нет. Хотя Клео и редкостная сучка. Все же, нет сомнения, что она не причина, а так, симптом. Вернемся к вашей судьбе. В ближайшие дни вас вылечат. Это наш принцип. Лечить, а все остальное потом. А так как вы тут вообще не при чем, то после лечения вы в любом случае свободны. Будете ждать пары для обратного транспорта. Но это может длиться столетиями. Пациенты с Земли большая редкость.

А мне по трудно объяснимой причине хочется покинуть наше цивилизованное, лицемерное и самодовольное общество. Скажу одно: достали. К тому же, я страдаю наследственным солнцезависимостью. Жить не могу без света дня. Это постыдный недостаток во Вселенной, где все великие цивилизации — порождения ночи. Одним словом — ваш первобытный мир для меня самое оно. И вы сами очень смешны и трогательны. Мы будем отличной парой. На Земле я буду под маской земной женщины. Для нашей техники это

пустяк. Только мы двое будем знать кто я. И вам со мной будет не скучно. Это я вам гарантирую.

Пауза, старик, рыдая падает в лапы своей гостьи. Она гладит его голову.

— Успокойся, успокойся, милый. Все будет хорошо.

Через несколько дней ночью заметно помолодевший старик спешит по коридору. Вот знакомый поворот, а вот и Олень. Стоит у окна.

— Ну, я вижу, что Вас неплохо подлечили.

— Да и Вам грех жаловаться.

— Медицина у них действительно развита. Хорошо устроились. Но это ненадолго, я наладил контакты с ядовитыми плющами. Они растут на другом этаже. У них оказались обалденные наработки. И я их свел кое с кем еще. Будет такой бабах, что вся инсектная империя вздрогнет. Вот увидите.

Потирая руки, он удаляется в палату. — Милый, ну где ты так долго пропадал. Я изнываю, звучит капризный голосок Клео.

Старик возвращается в свою палату. Там его уже ждет Мо, его прекрасная жена. Брак был зарегистрирован прошлой ночью.

— Меня беспокоит Олень, говорит он неожиданно.

— Не бери в голову. Он болтун, артистично впитал дух неких сил. И все. Разве ты не видишь, что он не профессионал? Примазывается. Ужасный век, да! Но олень, который лает, не кусается. Или как вы там говорите у себя на Земле.

— Тогда почему вы похитили его? — хотел было спросить старик. Но не стал. Не его любимая принимает решения. Она сама бунтарь против системы.

Он смотрит в огромные фасеточные глаза. Мо поднимает надкрылья, расправляет огромные прозрачные истинные крылья, которые заполняют почти всю палату.

— Истина в том, что я безмерно счастлив, думает он.

В логове стратегического партнера

— Простите...

— Да что Вы, я сам виноват. Задумался.

Так они чуть не столкнулись. Извинились. И пошли каждый своей дорогой.

Ничтожный эпизод..., не считая того, что вокруг двух представителей гуманоидов кипела жизнь величайшего города галактики, крайне непривычного для человеческого глаза. Из гигантских механических гусениц общественного транспорта выходили и спешили по своим делам, переговаривались на ходу и закусывали едой из передвижных павильонов динозавры, динозавры, казалось бы, одни динозавры.

Нам точно известно, что один из участников этого инцидента не видел живых людей уже в течение нескольких лет.

Все же, будем справедливы, сказать, что в городе жили одни динозавры, было бы преувеличением. Те, кто успели побывать на этой планете достаточно долго, знают, что в нескольких кварталах дальше отсюда, в старом центре города, чуть не на каждом шагу встречаются богатые туристы-насекомые (где их только нет). И не только они одни. В определенные часы в толпе доминируют осьминоги, которые после завтрака (или обеда) в рыбном ресторане спешат на своих курьезных велосипедах-аквариумах обратно на работу. (А работают они если не в торговле морепродуктами, то в многочисленных бюро экстрасенсов.)

В хорошую погоду, как сегодня, уличная толпа в центре особенно живописна. Неизвестно чем занятые плющи на платформах, питающихся от солнечной энергии, медленно передвигаются один за другим по специально отведенным для них дорожкам. По поднятым над уровнем улицы желобкам куда-то спешат деловитые многоножки. В прозрачных трубах пузырится протоплазма свободных синцитий. Таким образом, большинство космических рас не чувствуют себя здесь потерянными, зная, что разыскать своих сородичей в старом городе не составит труда.

Но это, увы, не относится к гуманоидам. Их здесь нет. Не из-за проблем с транспортом. Пространство в наш просвещенный век перестало быть труднопреодолимой преградой. Как говорят журналисты-аналитики, если на рубеже средневековья вместо проблемы «ПРО» (противоракетной обороны) встала проблема преодоления пространства (ППП или «про»), то сейчас проблема «про» окончательно снята, и на первое место вышла проблема «по».

То есть, нас разделяет не пространство, а политика. И, похоже, что этот барьер непреодолим — «прочнее брони в мире нет».

Началось с того, что гуманоиды оказались крайне чувствительными к успехам самой могущественной из космических рас, динозавров. Хотя до прямых вооруженных стычек дело не доходило (и наверно никогда не дойдет), во время всевозможных голосований в

Организации Объединенных Планет люди старались как можно чувствительнее задевать Империю Динозавров. Ну, а динозавры в свою очередь обличали гуманоидов в многочисленных нарушениях прав личности. Все бы ничего, если бы не последние теракты в диносекторе и сетевое ликование гуманоидов по этому поводу. При помощи современной техники (дистантный анализ ДНК) были созданы списки злостных динозаврофобов, но списки росли не по дням, а по часам, и была принята резолюция, закрывающая диносектор, до поры до времени, для всех гуманоидов. (А, как мы все знаем, нет ничего более постоянного, чем временные меры...)

При этом наши империи по-прежнему считаются стратегическими партнерами, так как в мире существуют вызовы, по которым, хочешь, не хочешь, отказ от сотрудничества смерти подобно. Ну, вы знаете... Я имею в виду био- и астрохакеров. Против них брошены лучшие научные силы обеих империй во главе с легендарным комитетом ФиФи (Physicists & Physicians).

Фи в квадрате, конечно, имеют свои традиционно голубые служебные паспорта. А среди остальных землян счастливых обладателей визы в страны диносектора ничтожно мало. Я, Казимир Раудсепп — один из них.

Я работаю в одном из институтов Динозавровилия, вместе со своей женой Мо, подданной его величества Инсектоимператора. Скандал по поводу нашего преследования активистами Межпланетного Антисодомитского Комитета (МАСК) гремел на всю Вселенную. Во время этих прискорбных событий выяснилось, что только Диноимперия может и желает дать гарантии нашей безопасности. Дальнейшее было делом принципа, парламент империи Д согласился на невыносимые исключения, и в итоге мы с Мо стали обладателями гостевых карт.

Но кто они — те, с кем меня, наемни, столкнула судьба (а может быть и чей-то злой умысел)? Сообщений о конференциях ФиФи не было. Правительственные визиты не планировались.

Я не стал гадать. Береженого Источник бережет. Попросил удалить мои личные данные из базы домашних адресов. И приобрел в зоомагазине ласкового, но решительного сторожевого крокодила, к которому сразу привязался.

Несколько дней прошли спокойно, и я уже стал забывать об этой истории. Правда, не совсем, так как по утрам я выгуливал моего питомца в ближайшем Зоо-парке. Он и служил мне живым напоминанием.

И вот, тихое начало цепи авантюрный (to say the least) событий. Я сижу на кофейной террасе в старом городе. Только что купил для Мо старинный браслет, произведенный на Земле неизвестными мастерами легендарной дометеоритной цивилизации. И вещь чудесная, и богата ассоциациями. Подумать только, чем могла бы стать планета, которая была на 60 миллионов лет потеряна для высшего сознания из-за смеси любознательности и нравственного идиотизма астрохакеров? Этих «мы-богатырей».

Но что это, богатыри новейшей формации? У решетки кафе останавливается машина, из него выскакивают несколько крепких парней, у одного из них в руках бутылка

Космократовки. Одновременно и за спиной угадывается какое-то подозрительное движение и прежде, чем я успею что-то предпринять, кто-то прижимает к моему носу платок. Теряю сознание.

Прихожу в себя в камерке, где единственное окно находится под потолком. Я прикручен к стулу скотчем. Все как в дурном детективном романе, плюс непрощенный бонус — мерзкая боль в артрозных суставах.

За мной очевидно следили. Как только я пошевелился, вошел один из похитителей.

— Сколько бы веревочке не виться, а ждет ее все равно виселица, говорит он, улыбаясь жизнерадостно. Явно домашняя заготовка.

Я молчу. Но он и не ждет моего ответа. Свое дело он — со товарищи — уже сделал. Можно и расслабиться и получить удовольствие.

— Пока можешь радоваться жизни, до виселицы у тебя еще несколько тысяч световых лет. Казнить будем тебя на Земле, но все будет по закону, суд с представителями МАСК от разных рас, настоящий МАСКи-шоу, все в белых балахонах, как полагается.

— Ты наверно хочешь знать, как мы тебя доставим на Землю, минуя Космопорт? Пока это секрет фирмы! Но не беспокойся, мы робята сообразительные. Сам увидишь.

— А вот что самое смешное, это представить, как завоюют динозавры, когда узнают... Прямо будут жевать галстуки с досады. Конечно, побесятся, и стерпят, не воевать же из-за этого.

Его монолог прерывают толчки в нижнюю часть двери. Как будто кто-то пробует открыть дверь сапогом.

Он чертыхается и бросается к двери. И тут в комнату влетает мой ласковый и нежный крокодил. Он скулит, виляет всем телом и вертится вокруг меня, а затем, опомнившись, бросается на похитителя. Но драгоценные секунды потеряны. Тот уже выхватил пистолет, целится, и голубая молния бьет в лоб моего крокодила.

Комната мгновенно заполняется людьми, кричащими наперебой.

— Они нас выследили.

— Он тебя укусил?

— Никто никого не выследил, он просто шел на запах хозяина.

— Никакой крокодил на это не способен.

— Ты не знаешь здешних тварей. Недавно показали по Animal planet.

— Кретин.

— А твоя мадам делает министерский минет.

— Надо взять мазки с его зубов на ГМО, биохакеры работают на динозавров.

— Идиот.

— Не орите, дураки, слушайте меня. Вы сами не знаете, что наделали. Убили крокодила на планете динозавров. Они нас из-под земли достанут.

— Из-под земли может быть, но на Земле фиг они нас найдут.

— Они не знают, где мы. Крокодил знал, но он мертв.

— А если узнают, то представляешь, что они с нами сделают. Три минуты на сборы. Кто опоздает, пусть пеняет на себя. Мы ждать не будем.

— А что делать с врагом? — Как что? Врага оглушить и взять с собой. А то нас самих вздернут.

Прихожу в себя в багажнике машины в состоянии полной мизерабельности. Лучше бы они меня убили. Но нет, вот невыносимая тряска кончается. Минута, другая, и меня выгружают как куль. Опушка леса, допотопная летающая тарелка и несколько десятков полуобнаженных бритоголовых крепышей, кирпично-красных от загара.

Мой личный охранник тут как тут, объясняет: — Смотри и учись креативу. Отсюда мы полетим по диагонали — к Земле и одновременно назад в прошлое. КЕМ, брат покойник! А не папе в лапы. КЕМ! И в Кеми мы и будем — в древнем Египте, как говорят библиотечарши. Ха-ха-ха. Шутка. Кому придет в голову контролировать эту лазейку? Не динозаврам же! А в Мемфисе пересядем на машину времени. Все гениальное просто.

Мне невмоготу из-за досады и боли.

— Почему вы убили моего крокодила, ору я, неожиданно для себя. Почему-то меня больше всего возмущает именно этот факт.

Люди в набедренных повязках с неожиданным вниманием прислушиваются.

— Моего бедного Себека.

Они подходят к нашей группе, держа в руках, кто обрубок трубы, кто современное оружие.

— Этот несчастный огорчается тому, что вы убили крокодила, что вы убили Себека, говорит египтянин с высоким лбом и с безгловым выражением на лице, похожий то ли на поэта-лауреата, то ли на верховного жреца из сетефильма.

— Велика потеря, начинает один из похитителей, но получает удар по ребрам и умолкает, ловя ртом воздух.

— Какой крокодил? — пытается исправить положение его товарищ. Но египтяне его уже не слушают.

— И не старайтесь, говорит верховный жрец. — Вы лживы и увертливы, но пропитаны эманациями убитого. Хатхорет только что показала мне, как убили Себека. Сейчас вы умрете сами.

Проходит не более секунды, но похитители уже сгрудились в машине, и она с визгом мчится прочь от нашей группы.

— Вы меня спасли, с этими словами обращаюсь я к жрецу, но он отвернулся и меня не слушает. Взор его обращен к небу. Вот он вздрагивает и поворачивается ко мне.

— Я узнал, что ты очень любил убитого. Радуйся! Его Ба уже достигла Небита, по вашему Ком Омбо, и он ждет тебя в своем святилище. Мои люди заедут в подвал, чтоб забрать его Сах. Ты будешь участвовать в бальзамировании и потом ляжешь рядом с ним. Неслыханная честь.

Ничего не говори, наш бледнолицый потомок. Мне было только что сказано, что если ты по недомыслию или по суетным соображениям будешь возражать, мы должны тебя связать и доставить в святилище силой. Не лучше ли примириться с неизбежным, потом ты поймешь, что тебе подарили вечное счастье.

Из кошмара в кошмар.

Проходит час. Но вот в небе появляется черная точка, которая быстро растет. Да, несомненно, к нам летит иностранный легион империи динозавров, батальон Ос Особистов.

Жрецы делают попытку меня захватить, я отбиваюсь, как могу. Облако растет с невероятной скоростью, и нервы египтян не выдерживают. Оставив меня, они бросаются к летающей тарелке.

Среди ос мелькает родная Мо, которая прилетела вместе с ними. Она запыхалась. Но между Мо и мной встает мощная фигура генерала Амбуша.

— Казимир, не пойми меня неправильно, но для того, чтобы тебя укрыть понадежней, мы сейчас будем инсценировать арест. Вот арестантский вездеход с пуленепробиваемой клеткой для вас. Ваш мнимый арест повысит шанс того, что МАСКаки пока воздержатся от терактов в надежде получить вас живыми для своего судилища. Они планируют выменять вас на кое-кого, очень опасного для нашей империи. Уже нащупывали почву... А мы тем временем успеем задействовать на полную катушку программу защиты по категории максимальная опасность.

Что делать, мы с Мо протискиваемся в клетку. В клетку, в которой, может быть, будет наше единственное спасение. Какой ироничный символ. Но и дальше будет немногим лучше. Представляю себе программу защиты: вереницу сменяющих друг друга конспиративных квартир. Ложась спать, мы никогда не сможем быть уверены в том, что нас не ждет ночная срочная побудка и эвакуация в другой конец планеты.

Неволя с человеческим лицом и с лучшими намерениями. Во время моей юности много и с надеждой говорили о конвергенции. А вот и результат прогресса цивилизации: конвергенция тюрьмы и свободы. Какая ирония.

Но у меня получилось как в лукавом стихотворении Олега Григорьева: «На ветке, как и в клетке, только прутья редки». Он шутил, а я? Где мой здравый смысл, где воображение?...

Сдираем темную пленку с образов будущего... Вот запах кофе в маленькой уютной кухне нашего очередного убежища. Вот чудесное летнее утро в саду провинциального домика. И еще много-много подобных ярких жизнерадостных картин. Я жив. Я пишу книгу. Живую книгу. Рядом со мной в кресле Мо читает что-то с карандашом в лапке.

Если бы похищение состоялось, этого всего бы не было...

Меня наполняет чувство благодарности.

Наhawaiі, или изгнание гомосексуалов

В течение нескольких минут нас трясло, затем что-то смачно чмокнуло, охнуло, мяукнуло, запахло мокрыми перьями. На минутку в глубине салона заиграл невидимый оркестр. Мы вынырнули из недопространства рядом с крупнейшим астероидом Гагавайской педагогической империи.

Да, это знаменитые Наhawaiі, хотя многие люди во всей Вселенной пишут Gaga-way в честь своего доисторического кумира. Под нами томительно тянутся антрацитно-черные кратеры..., но вот уже блестят зеркальные корпуса Империи-образующего университета имени Умзаразумбы, где мы с женой работаем. Садимся рядом с кампусом. Из стены кампуса к нам тянется рукав коридора.

Комментирую для тех, кто никогда не жил на астероидах. Под куполом кампуса наличествует нейтральная атмосфера, большинство космических рас там могут жить, но это не совсем то, к чему привык требовательный гражданин Вселенной. Поэтому роботы одевают меня и Мо в легкие как паутинка прозрачные комфорт-пакеты, которые мы в повседневной суете обычно даже не замечаем. Разве что только в моменты смены способа существования, как сейчас. Кислород и температура в норме, есть связь. Вперед!

Приятно вернуться домой. Чемоданы уже поехали в нашу скромную квартиру, адрес им известен. А мы: моя красавица жена, золотобрюхий жук по имени Мо, и я, Homo sapiens, в голубом летнем костюме, никуда не спешим. Идем домой длинным путем, через парк, время от времени кивая знакомым. По случаю выходного дня многие из них прогуливаются семейными парами. Вот мой хороший друг, черепаха, профессор литературы узконосых обезьян. Всем известно, что она трогательно любит своего молодого мужа, носорога, тренера по фитнесу, который в данный момент куда-то отлучился. — Привет, черепашка! Хорошо выглядишь. Бородавочки в Центре рассказали, что ты прибавила несколько десятков килограмм. Но ничего подобного. Врут как шакалы. — Тыну, они правы. Увы. Но здесь на астероиде лишние кило не чувствуются... Я даже... Извини, муж зовет. Тото, я здесь!

А вот и наши Ромео и Джульетта. Они плавают в бассейне за прозрачной оградой. Мышонок трогательно поместился на голове у маленького пресноводного ужа цербера, оба еще школьного возраста, но уже давно вступили в брак. Любовь, это высший закон в Гагавайской мини-империи.

Мимо нас проходит жираф с гигантским космическим тараканом (привет, как диссертация? — спасибо, слава Ручейку, завершаю), вот динозавр с выхухолью (новые перья вашему муженьку отлично идут, я не шучу, старики). На каменном диванчике расположился знаменитый союз троих — топдог, гиена и хромая кошечка.

А вот на сигвее, обнявшись, едут ядовитая роза с человеком, явно в состоянии экстаза. Она отчаянно цветет, а он, закатив глаза, вдыхает сладкий опасный аромат. За них делается как-то страшно. К тому же шипы..., по руке человека течет тонкая струйка крови. Любовь, любовь.

Мы в кампусе старожилы и знаем здесь многих, если прибегаем к помощи карты памяти, то почти всех. При этом нельзя сказать, чтоб мы были VIP-персонами, я, откровенно говоря, лишь мастер по уборке территории, как меня официально называют. Да, в свое время моя диссертация «О метафизической образности в ложных сказках псевдоподопказывающих кажимостей» стала широко известна в узких кругах. На меня возлагали надежды. Но проходили годы, менялись понятия о научном методе, о доказательствах и показательствах, даже о добре и зле. Я оказался недостаточно гибким, чтобы измениться вместе с духом времени, и вот, в результате стал никому не нужным на своей кафедре герметичной герменевтики. Правда, из уважения к моей жене, Мо, известному системному биохимику, меня не выгнали из университета, даже оставили, очевидно, для сохранения самоуважения, в большом ученом совете. А для пропитания подыскали рабочую синекуру. Навожу блеск. Это действительно оказалось подходящим занятием для меня. Умные машины сами делают всю работу, в перерывах рассказывают кибернетические анекдоты и приносят пирожки из буфета.

Но вот к нам подбегает ежик. — Привет, Мо. Я по душу твоего мужа. Тыну, хорошо, что я тебя нашел. Через пять минут начнется экстренное заседание ученого совета. Можешь, конечно, участвовать виртуально, но огромная просьба самого Полистероида — присутствовать лично. От членов совета требуется максимальная полевая поддержка. Речь идет о самом существовании педагогической империи.

Прощаюсь с Мо. Вот и погуляли по парку.

Вхожу в овальный зал. Вокруг меня возбужденно жужжат, скрежещут, квакают, рычат, и крутят попкой множество стариков и старушек, одетых в нереально дорогие и красивые костюмы самого разного покроя.

В президиуме сидит один Полистероид.

Он встает, и на экране появляется повестка дня.

1. Об участии сотрудников нашего университета в написании скандального «Руководства альтернативной любви» («Аморальт»).
2. Рассмотрение просьбы препаратора кафедры сравнительной анатомии Федора Шишака о разрешении на брак с представительницей собственной (человеческой) расы танцовщицей Лолой, т.е. на гомосексуальный брак.

Смущенный шепот. Неужели? Началось...

С книгой разбираемся быстро. «Космические технологии брака», «Межрасовая камасутра и универсальная самасутра в одном томе», а сейчас «Аморальт» — это не профиль Гагаваев. Мы являемся галактической лабораторией для экспериментов по слиянию сознаний, а не тел. Консультация по технике брака, расчет и создание рекомбинантных ДНК, вся эта «кухня» представлена у нас частными фирмами. В написании книги мы не участвовали. Правда, не в пример других вселенских империй, мы «Аморальт» не запрещаем, но он у нас и нигде специально не рекомендован к использованию. Шумиха вокруг данной книги (которая не лучше и не хуже большинства других образцов жанра) имеет рекламный и политический характер.

Одним словом, умываем руки. А что нам еще остается делать. И действительно, смешно представить себе меня и Мо, читающими Аморальт.

Заявление Феде составлено весьма искусно. Он подтверждает собственную приверженность великой Гававайской мечте о сближении сознания космических рас. И соглашается с наличием природной тяги сознания к подобному сближению, о чем свидетельствуют как сказки (царевна лягушка), так и спонтанные истории дружбы между представителями часто антагонистических видов. Он всем сердцем принимает и следующий шаг в этом направлении — испытание новых радикальных форм межрасового сближения, таких как космические браки.

Но вот что пишет Федя дальше. Он пишет о том, что даже в пределах одного вида разные особи могут являться носителями радикально различных форм сознания. Что общего между хорошо культивированной сенсуальностью и спонтанностью Лолы и моим гипер-рациональным взглядом на мир? — спрашивает он. И лукаво продолжает: — Опыт взаимодействия наших с Лолой сознаний имеет не меньшее значение для стремления к великой космической конвергенции, чем опыт любви между пастухом и овечкой, которые разделяют в сущности одни и те же буколические взгляды на мир... Ну и так далее, в том же духе на 10 страницах.

— Он, конечно, нащупал слабый момент в нашем подходе, подоныш, шепчет мне в ухо мой коллега жук-олень Жоли (департамент математики). — Но это не аргументация, а рационализация его стремления к Лоле. Видно, что ему очень хочется. Ну, пусть хочется, на здоровье, но в каком-то другом месте. Космос велик.

На том и порешили, отметив в «Решении ученого и гражданского совета Империи-образующего первого гетеросексуального университета», что для экспериментов по взаимодействию полярных форм сознания одного и того же вида можно найти множество сообществ, коммун, общежитий, черта в ступе, по всея великой Вселенной. А нашу специфику размывать мы не позволим. Так и разошлись... Но осадок остался.

Снова встретил Жоли. Оказывается, добровольная депортация назначена на послезавтра. Мой собеседник как истинный интеллигент снова недоволен. — Не нравится мне тон нашей прессы. Все эти стенания по поводу пропаганды гомосексуализма среди школьников и инфантильных студентов естественных вузов, разрушительной для наших выстраданных идеалов. Люблю нашу новую родину, но такие разговоры меня пугают.

Я с ним во много согласен. Звоню Феде и приглашаю его и Лолу к нам в гости. Федя удивлен. Мое приглашение единственное. Все остальные избегают контактов с ними.

— Ну, все не все. Одним аршином...

— Может быть, допускаю, даже уверен, что обстоятельства бывают разные. И готов применить самые разные аршины. Но, пока я вижу одно: обстоятельства разные, а результат один.

И вот, Федя и Лола у нас в гостях. Пьем за то, чтобы гады поумнели, и за удачу в новой жизни. (Мо присоединяется, поднимая бокал с маточным молоком.)

— Как, Лола? Вы человек общительный. Будете тосковать по нашему блестящему космополитичному миру?

— Наша родина Земля, Земля, Земля. Что толку в блеске, если нигде в Космосе нас не понимают.

— Мы вас понимаем, Лола. И вспомните, как Динорита недавно написала о том, что даже лучшие идеи иногда превращаются в свою противоположность. И выразила озабоченность по поводу расцвета неодогматизма на Гагаваях, в бывшем центре Космического либертарианства.

— Извините, но меня не интересует мнение врага.

— Какого врага? Ну, разве что последовательного критика политики тирана Космократа...

— Я знаю, что вокруг Космократа одни подонки. Я не дура. Не смотри на меня так, Федя. Но сам Космократ классный мужик. Его враги, это враги человечества. Мои враги точно. Вы, демократы, не знаете многих вещей. Ведь Динорита вчера встречалась с мастером Домеником.

— А кто такой Доменик?

— Я так и чувствовала, что вы ничего не знаете. Он серый кардинал. Из закулисы. Ты ведь не знал этого, Федя?

— Откуда у тебя этот бред.

— Это не бред. Один знакомый рассказал.

— Интересно. Сейчас мы это забудлим. Побежали бублики... Пока ничего. Пошли пузырьки, триллион сообщений в пузырьке, медленно, но верно... Нет, нет такого сообщения, Лола. Типичная лажа для избранных... Что это за знакомый? Когда он это сказал?

— Ты его не знаешь, ну, месяц тому назад, когда тебя не было.

— Месяц назад он предсказал то, что было вчера?

— Федя, не надо говорить со мной в таком тоне. Перед этими... ну, пред этими существами. Я же говорила, не надо к ним идти.

Кое-как мы все ее успокоили. (Хотя при этом у самой Мо кончик брюшка нервно вздрагивал. Признак явного раздражения.)

А на следующий день Федя и Лола улетели. Пошел слух, что в последнюю минуту Феде незаметно для представителей прессы вручили большую сумму отступных «за заслуги перед империей».

А вечером меня позвали к Полистероиду «на обратную сторону астероида». Взгляд на щиток показывает, что регистрация звука выключена. Сейчас будет.

Движением руки П. прерывает мою попытку сказать что-то светское.

— Не надо. Не для этого я Вас вызвал. Послушайте и не перебивайте! Для Вашей же пользы я буду предельно откровенным.

— Вы должны понимать, что мы держим Вас только из уважения к вашим бывшим заслугам в развитии идеи пан-гетеросексуалитета. Из истории философии вы давно вычеркнуты. И как ученый и даже как мастер по уборке вы имеете для нас нулевую ценность.

(Спасибо, господин П., что ноль, а не какое-то негативное или мнимое число. Сдержались все-таки.)

— Но («Ноооо») это не значит, что Вы можете позволить себе все что угодно.

(Это о нашей встрече с «предателем» Федей. Да, да. П. нашел правильный образ. Вседозволенность, вот чем я пользуюсь, нет, злоупотребляю каждый божий день. А как же!)

— Закройте рот. Что вы шевелите губами как рыба.

(Все-таки прорвало.)

— Повторяю, это не беседа с Вами. Время бесед прошло. Это предупреждение. Последнее предупреждение... (Пауза).

— Чего Вы ждете? Это все. Вы свободны.

Встаю. Кланяюсь. Выхожу.

Антрацит и зеркало. Великолепный, захватывающий дыхание пейзаж родного астероида.

Закрываю глаза. This is the way the world ends.

Но чего я боюсь? Разве я Guido Fawkes? Ведь не было ни пороха, ни заговора. Стоит ли раньше времени думать о собственном конце? Все еще может быть. Судьба насмешлива.

Будем с Мо, так сказать, сидеть на берегу Коцита и ждать.

А в это время где-то далеко в недопространстве Лола прижимается к Феде. Они счастливы, как бывают счастливы только молодые наивные галактики, обнимающие друг друга.

Цирконий под золотом, или саламандра

Дорогие коллеги, о чем рассказать, если жизнь не изобиловала ни приключениями, ни особыми достижениями? Разве что вспоминать об удивительных личностях, с кем доводилось встречаться. Да, до того, как осесть здесь, в астероидной империи на Гагаваях, мы с Мо изрядно колесили по провинциальным планетам Вселенной. И каких только чудачков мы не перевидели за эти годы... Самым фантастическим среди них, пожалуй, был Динальдо. Да, да, тот самый Динальдо. Который... Меня судьба столкнула с ним в годы, когда о нем почти никто еще не слышал, разве что некоторые сотрудники Интерпола. Но давайте по порядку.

Тогда мы работали в Университете здоровья на Лесной планете. Мо как биохимик, а я как философ. Да, в те годы я считался подающим надежды мыслителем. За мной гонялись журналисты, у меня брали интервью... И где это все теперь?... Но вернемся к планете. Удивительно красивое место. Щедрая прекрасная природа. Чистый воздух, чистая вода, простые неиспорченные студенты, принадлежащие к разным космическим расам... Но благодаря привходящим обстоятельствам место оказалось не без проблем. Отнюдь.

Это мы осознали в тот день, когда услышали о новом поклоннике нашей дочки. Местные кумушки рассказали нам о том, что Мюна часами беседует с динозавром-денди в хорошо сидящем пиджаке из человеческой кожи, в лаптях и с неизменной плетеной торбой, то в коридорах университета, то в парке, то в кафе. Кто он? В провинциальных вузах можно встретить много, как правило, абсолютно безопасных эксцентриков. Но этот пиджак... Это уже слишком.

Динозавр не мог не знать, кто такая Мюна, и кто ее родители. Хотя наша дочка выглядит стопроцентным инсектом, но всем известно, что на самом деле она является ГМРО (генетически модифицированным разумным существом), как говорят на Земле — гоморроидышем. Потомком жука и человека. К тому же тогда прошло только пять-шесть лет после нашей вселенской травли в консервативной прессе. Одним словом, всем в кампусе было известно, что Мюна имеет несколько процентов человеческой крови в инсектной гемолимфе.

Значит ли это, что пиджак был сознательным вызовом? Но если да, то кому? Нам, родителям Мюны? Общественному мнению? Самому себе («не слабо ли мне...»)?

Спросить у Мюны? Ха! Вы бы попробовали сами. Неприкосновенность своей личной жизни наша дочка всегда защищала отчаянно. В лучшем случае она просто категорически отказывалась отвечать на вопросы.

И вдруг, вечером, примерно через неделю, когда мы были дома вдвоем, Мюна сама завела разговор о Динальдо. Кажется, у нее у самой накопилось... Она поняла, что влипла. И перед ней встали неразрешимые практические проблемы. Или как?... Судите сами, вот ее слова.

— Папа, вы с мамой не роете под Альдо? — Под Динальдо? Да нет. — И не задаете всем налево и направо вопросы о нем? — Еще не успели. Формулируем.

— Так не успевайте, пожалуйста. Это для Альдо важно. Я только сейчас узнала, насколько это важно. Вопрос жизни и смерти.

— Так расскажи мне сама хоть что-нибудь. Трудно молчать втемную.

Так я узнал, что пиджак Динальдо сделан из кожи олухов (*Homo arcticus*), обитающих на его родной планете. На его планете многие молодые динозавры так одеваются. Называется пиджак «столичный», он же «аспирант в пабе». Но в остальной части Вселенной обитателей этой планеты можно встретить редко — они составляют меньше полупроцента от всех динозавров. Тем более мы не видим молодых денди с этой планеты. А с *Homo sapiens* у Альдо никаких контактов не было, и про геморроидов он даже не слышал. Провинциальный мальчик. В чем-то удивительно продвинутый, в чем-то совершенно серый.

— Ну, а его нелепая торба?

— Тут мы подходим к самому важному. Там лежит его дочка.

— !!!!!

— Она находится в процессе алхимического превращения. По ночам лежит в потоке плазмы, и под управлением квантового компьютера молекула за молекулой превращается в циркониево-золотое металлоорганическое существо. А днем регенерирует.

— И будут у нее руки по локоть и ноги по колено золотые?

— Да, идея возникла не на пустом месте. Мог бы еще вспомнить Исет в Библосе. No comment, папа. Мифы, это твоя тема.

— Но кто ему разрешил? Мне всегда казалось, что в империи динозавров дети надежно защищены. Что их от произвола защищает непробиваемая броня законов.

— Не будь наивным, папа, какое разрешение? Альдо существо подпольное, из прирожденных партизан. Его ищет полиция всего диномира. План «Вселенский перехват». Но пока его ищут, алхимический процесс идет, а девочка жива. Решившись на «Великое дело» Альдо рисковал, чудовищно рисковал. Но он победил. Почти победил. Без таких, как он, не может быть прогресса. Извини, я волнуюсь, поэтому говорю сбивчиво.

— Подожди, почему его ищут? Он что, не первый раз так экспериментирует? Ты что-то недоговариваешь. Судя по всему, он повинен в смерти ребенка, наверно не по злому умыслу, по глупости, но убийство это убийство. По пустякам Вселенский перехват не объявляют. Даже если это не так, у меня нет сочувствия к фанатикам, которые рискуют здоровьем детей.

— Это не так, папа, клянусь! То есть, первый раз действительно он ошибся. Даже не ошибся, просто программа не имела всех тех степеней защиты, что сейчас.

Ну, случилось, что случилось. Взрыв. Побег. Был объявлен розыск. Но Альдо такой умный, он всегда оказывался на шаг впереди своих преследователей. Не думай. Он спасал не свою шкуру, а великую идею изменения природы живых существ. Он встретил новую девушку, которая в него поверила, также как и та, первая. Но о первой он говорить не хочет. Она жаждет крови Альдо. Страшная менада-горгона.

— Ее можно понять, бормочу я себе под нос.

Но Мюна меня не слушает. Динальдо явно сумел и ее превратить в своего преданного сторонника.

— Итак, с новой девушкой они тоже завели сына. Он снова начал процесс—каждый вечер клал сына как будто в огонь, а на самом деле под модулированную струю плазмы. Все шло хорошо. Осталось несколько дней до конца процесса. Но соседи их были любопытные и склочные. Они заметили странное, может быть, даже сумели взглянуть в спальню, где в камине лежал младенец. Одним словом, они донесли на Альдо.

— Нагрязнул обыск. Козлы! Они запросто могли убить и второго его сына. По чистой случайности он остался в живых, но процесс был прерван. Он вырастет в обычного динозавра. Может быть с минимальными странностями, но скорее всего в позитивную сторону. Будет немножко не от мира сего. Если все не испортят безграмотные судебные детские психологи, которым доверили наблюдение над его развитием.

— Альдо, меж тем, оказался снова в бегах. И снова он встречает уже третью прекрасную девушку. Было снесено еще одно драгоценное яйцо, вылупился динозаврик. Девочка. Но на этот раз Альдо отправился на край Вселенной, и решил завершить процесс один, без жены, и без постоянных соседей, которые любят совать свой нос в дела молодых. Он пришел к выводу, что маска молодого динозавра эксцентрика, вольнослушателя в одном из провинциальных университетов, будет оптимальной в такой ситуации.

— Наверно он был неправ. Он гениальный физик, но плохой психолог. И плохой конспиратор. По части эксцентричности он явно перебрал. Папа, но ведь ты не будешь на него стучать?

— Ведь осталось несколько дней, все идет по плану.

Я вздохнул, и обещал, хотя и с тяжелым сердцем.

После этого никто в кампусе не видел Динальдо. Он как будто растворился в воздухе. Но облегчения я не чувствовал. Я ждал.

Мы не знали, что недалеко от кампуса находится лесная избушка. Недалеко от избушки за ночь возникла землянка. В землянке шли приготовления к решающим событиям. Кроме динозавров в землянке находился молодой офицер с планеты Земля, который стажировался в диносекторе у легендарного генерала Амбуша, руководителя тайной гвардии Динориты.

— Извините, я просто практикант, но по-моему ситуация предельно ясна. Пока не поздно, надо захватить ребенка и ликвидировать Динальдо. Иначе он убежит и оставит нас со своим сатанинским приплодом и вселенским позором.

Амбуш (лающим голосом, привычным командовать, а не рассуждать): — Поздно? Динальдо должен быть не «ликвидирован», а встать перед судом. Младенец пока вполне живой. Дистантные датчики говорят о более или менее нормальном состоянии. Сатанизм бывает в головах взрослых дядей, а не в детских головках.

(Несколько остывает.)

— Вот как я вижу ситуацию. Риск есть и при штурме, и при ожидании «конца процесса», что бы Д. под этим не понимал. Но при штурме мы ликвидируем свидетельства, в частности и свидетельства собственной плохой работы. Поведение Д. мягко говоря мало предсказуемо, но в последние дни он постоянно находится рядом с младенцем. Их судьбы неразрывны связаны. Сможем ли мы не повредить младенцу, неизвестно.

— А к позору я готов. Если на то будет воля Источника. Пока же всю ответственность беру на себя. И не позволю никому устроить цирк с огнями с риском для окружающих живых существ. Мы динозавры, а не земляне. Наш стиль работы таков. И пусть кто-то докажет, что мы работаем неэффективно.

— Опять пошло, поехало! Хвостатый пень сводит старые счета, думает раздосадованный стажер. — Рассказывай, рассказывай! Говорить и мы умеем.

— Кстати, нам принесли лабораторные анализы, продолжает Амбуш. — Цирконий, с которым работает Динальдо, оказался земного производства. Прикажете вас арестовать как засланного казачка? Нет, мы естественно не будем этого делать. Сказать почему? Мы, молодой человек, не эксплуатируем паранойю, свойственную живым существам, для раздувания репутации нашего ведомства. Если паранойю не гасить, она поглотит не только намеченные жертвы, но и самих хитрозадых манипуляторов.

— Наш девиз: ни демагогии, ни паранойи. Ничего кроме решения поставленных задач.

Стажер напрягается. Ему хочется сказать: «Замолчи, старый болтун, послушай, что это?»

Но Амбуш и сам все понял. Все-таки профессионал.

— Состояние сингулярности! Внимание! Всем приготовиться.

Взрыв. Из трубы избушки вылетает огненная саламандра, которая держит в своих лапках самого Динальдо.

— Что я говорил, генерал. Сейчас уйдут.

— Никуда не уйдут.

Нелетальные ружья бьют по беглецам воздушными осьминогами, которые вцепляются в них шевелящимся студнем и тянут вниз.

Меж тем с разных мест в лесу поднимаются в воздух группы ос-особистов из иностранного легиона, которые плотной сферой окружают порхающий огненный комок. Все! Саламандра снижается над поляной, отпускает Динальдо и взвивается ракетой в воздух. С такой немыслимой скоростью, что никто не делает попыток ее задержать. В окружении ос Динальдо, шатаясь, идет к землянке...

Откуда я это знаю? Записал со слов того самого стажера, который присутствовал при задержании Динальдо. Симпатичный молодой человек, типичный землянин. Будучи у нас в гостях он вел себя весьма цивилизованно и мило, если не считать случайные испуганные взгляды в сторону Мо.

Что было дальше? Был суд. Динальдо получил 148 лет тюремного заключения за действия, представляющие особую опасность для общества. В те годы газеты называли его не иначе как динористом (от динозавр-террорист), что не совсем справедливо. Какой же он террорист, просто безбашенный гений.

Но он не унывает. В тюрьме он организовал институт экспериментальной метафизики. Стал членом-корреспондентом академии наук. Его дочь вместе с другими непонятно откуда взявшимися нелокальными существами, часто появляется у него в тюрьме, но строго в часы, отведенные для визитов родственников.

Они приносят ему удивительные подарки, обсуждают планы экспериментов и разные философские проблемы, но трудно не замечать того, что они, любя, над ним подтрунивают. Равно как и над нами над всеми. Так недавно дочка Альдо — саламандра — превратилась в новую феноменальную теорию всего, и поставила несколько экспериментов над экспериментаторами в лаборатории своего отца.

И что? Не знаю, но факт, что после проделок саламандры сам институт перестроился. Уволилось несколько ярких личностей, а с другой стороны появились новые очень интеллигентные, но молчаливые и подчеркнуто скромно одетые сотрудники.

Воображение это или нет, но, с того момента для многих из нас что-то изменилось в интеллектуальной атмосфере. Была содрана некая шелуха. Процесс пошел. Что бы это ни значило. Сам Динальдо сказал недавно в одном интервью, что мало кто по-настоящему понимает, насколько глубоки изменения в нашем понимании Вселенной, происходящие сейчас.

А Мюна? У нее новый boyfriend. Познакомились в тюрьме, на свидании с Динальдо. Друг саламандры. И вообще удивительная личность. По призванию поэт. Служит волонтером на том свете. Работы невпроворот: ведение протоколов судебных заседаний, раздача мертвым пищи того света. И много чего другого. Ведь не-существование это не отдых, как сказал все тот же Динальдо, отвечая на вопрос о том, боится ли он смерти.

Но все это, как говорится в старинных романах, уже совсем другая история.

Глинтвейн в Гигахабе Центра Галактики

Еще один утомительный перегон в недопространстве и мы с моей женой Майей окажемся в Галактическом центре, в самом сердце нашего мира. Какое чудо. Только один перелет и осуществится мечта всей моей жизни. Представляю себе сказочную россыпь ярких звезд по ночам, разнообразие разумных и даже знаменитых (но мало кем виданных) заумных форм жизни на улицах и на площадях. А как насчет опасностей большого города? Пожалуйста. Я готов и к этому. На движущейся лестнице чьи-то щупальца стараются проникнуть в мой карман. Удар тока. Черт, судорога, выбрал не те амперы.

Но достаточно, еще успею увидеть темные стороны в натуре. Сейчас будем мечтать только о хорошем. ... Например, я сижу в центральном парке на скамейке. Ты взлетаешь и кружишься надо мной. Солнце пронизывает огромные крылья. Никто не падает в обморок. Нам не нужно скрывать собственную идентичность. Или вот, мы покупаем знаменитое мороженое галактического центра с универсально приемлемым для всех космических рас вкусом. Действительно, рядом с нами сидят маленький лев и гигантский богомол и самозабвенно предаются наслаждению небывалым вкусом... А какая открытость, какое цивилизованное радушие хозяев, какое разнообразие достоинств у гостей!...

Майя слушает мои излияния и посмеивается. Она — пчела-космополит и космический рейнджер, облетела полвселенной, а я мало что в своей жизни видевший человек с провинциальной планеты Земля. Для меня чудеса цивилизованного космоса являются предметом бурных фантазий «до» и эмоций «после».

Вы спрашиваете, как же это я, почетный консул вселенских сил на Земле сохранил такую неискушенность и, чего греха таить, наивность? Дело в том, что я — консул волею случайных обстоятельств. Все произошло как во сне, в котором я играл пассивную роль. Не я творил историю, она сотворила меня.

Но приключение разыгралось славное, в нем было все — встреча с потерпевшей капсулокрушение, еле живой инопланетянкой, ужас, сострадание, уход за ней, нежность, погоня встревоженных сил Земных спецслужб, опасная операция по установке и наладке недопространственного маячка, спасение Майи, ее новый приезд на Землю. Так как я был влюблен в Майю, я оказался способен на многое такое, о чем раньше и думать боялся. Мои заслуги были отмечены — я стал тайным советником инсектоимператора, и как говорят знающие живые существа, именно с его подачи я занял место почетного консула Галактического Центра (ГалЦен) на Земле. А с Майей мы поженились, и она стала жить на моей планете под личиной земной женщины.

Само почетное консульство было оформлено без помпы, но по всем правилам. После получения предложения ГалЦена я должен был объявить об этом родной планете и убедиться, что коллективное подсознательное нашего мира меня не отвергает. Можно было прибегать к гаданию, но я как убежденный демократ выбрал выборы. Для этого я использовал Facebook. Объявил о дате, выложил анкету. Другие кандидаты не появились. По бранно-полевому уставу для примитивных цивилизаций отсутствует нижний предел

явки, разница «за» и «против» должна составлять не менее двух голосов. Так и получилось, в голосовании участвовали две неизвестные мне симпатяги, обе — за.

Верительные имплантанты — татуировка-коммуникатор в виде еле заметной крапчатой змеи на левой руке и наночип, обеспечивающий владение официальным языком межрасового общения, на предплечье — были внедрены в деловой атмосфере, в недопространственном коридоре рядом с подсобкой.

Уполномоченные центра — гусеница, плющ и моллюск, как будто выпали из мутноватого участка стены и тут же приступили к церемонии. Переводила Майя. Я даже не заметил, как почетные клейма появились на моем теле, вроде во время руконожкожатия с Великой Гусеницей. До чего дошла техника!

Но вас наверно больше интересует то, чем я занимаюсь как консул? Никакого роскошного офиса, только скромное служебное помещение между зоомагазином и секс-шопом на тихой улице: Комитет Некоммерческих Контактв (Консультации по Сверхдальним Отношениям). Им мы пользуемся редко, так как мои обязанности на 95 % сводятся к публицистике. Сажу дома и пишу статьи и книги, нацеленные на снижение ксенофобии. Майя мне здорово помогает. Иногда появляются замаскированные под земных деловых партнеров чиновники из Центра. Их мы и принимаем в КНК.

Ни для Земли, ни для Галактики эти визиты не имеют значения. Заполнение анкет, последние космические сплетни. Я насобачился вести беседы ни о чем, как это принято у галактобюрократов, а Майя — обворожительная хозяйка выше всяких похвал.

Ну а в случае визита непрошенных инопланетян, я должен встретить их на месте приземления и сообщить, что Земля, будучи ассоциированным членом галактического сообществ, находится под защитой вооруженных свирепых духов (а также, естественно, плenums пневматических сил) всех пяти космических империй и бесчисленного количества республик. Но внесоюзные инопланетяне и сами вовремя сообразили что к чему, летающие тарелки исчезли с земных горизонтов. Забот по этой части у меня практически нет. Майя незаметно для окружающих выполняет неназванные обязанности «консуэлы» и натаскивает меня по вселенскому этикету, а также по космозоопсихологии.

Так бы и продолжалось год за годом, но вдруг какие-то галактические то ли микроскопы то ли телескопы сознания заметили мою роль в развитии Вселенской мысли. За какие-то (по-моему, нереальные) заслуги в этом деле меня выбрали членом Вселенской Академии НеАкадемических Наук — ВАНАН. Острословы говорят вместо Вселенской — Веселой. Пусть шутят.

И вот мы стали счастливыми обладателями «одноразового и исключительного» пакета персональных привилегий для продвинутых провинциалов: дешевых кротоходных проездных в галактический центр, приглашения на торжественное вручение свидетельства члена корреспондента ВАНАН и пропуска на Фестиваль Галактической Творческой Мысли в первом галактическом конгресс-центре — гигахабе.

Надеемся на фестивале встретить другую смешанную супружескую пару, смешливого жука Мо и ее супруга — смиренного человека Казимира. Их брак стал притчей во языцех,

в хоботках и пестиках для всевозможных ксеноглотов, зилотов, консерваторов, и любителей этической лисьей охоты. М. и К. обвинили в пропаганде содомии среди развивающихся цивилизаций (о нравственном благополучии которых пекутся миллиарды платных или надеющихся на оплату массовиков-затейников), объявляли вне закона, угрожали самосудом, пытались взрывать и похищать. Не удивительно, что Казимир и Мо избегают публичности, живут тише воров, ниже слоя графена в периферийных мирах.

Интересно, что наша маленькая планета дала две человеко-инсектные пары. Что-то есть в человеческом сознании такое инсектостремительное. Вспомним хотя бы шестирукого Шиву.

И вот мы приземлились, оставили вещи в отеле и сразу отправились на заседание Академии наук. Еле успели. Да и то только потому, что в лабиринте академического крыла хаба нас вела виртуальная крылатая раскоряка с крылышками.

Получаю документы вместе с группой млекопитов: единорогом, кентавром, двумя неандертальцами. Неандертальцы меня игнорируют. (Грехи отцов.)

Единорог наклоняется в мою сторону весьма дружелюбно. — Можно полюбопытствовать, ваша супруга в зале? (Мечтательно). Обожаю земных прекрасных дам. Это у нас единорогов в крови.

— Я женат на насекомом. — Простите, не понял. — Вынужден вас огорчить, я женат на насекомом. — (Молчание). Боже мой, конечно, конечно, ... как хорошо. Я Вас поздравляю, Вы героическая личность. Ваш поступок очень важен для судеб Вселенной, я читал материалы... Простите, должен перечитать текст своей благодарственной речи.

И тут мне вручили то, что полагается, и я в ответ что-то промямлил.

А потом мы с Мо гуляли в центральном парке, и это было блаженство.

Вечером мы были на Фестивале. Лабиринт гигахаба, поток зрителей не дает нам сбиться с пути. Только смущает многократно повторяемое полицейское предупреждение на стенах: «Существам с неполной 3D-материализацией вход категорически воспрещен». О ком они?

Но вот перед нами зияет провал на несколько километров — ярко освещенный красно-золотой каньон главного конференц-зала Галактического центра. Электронно-оптическая оптимизация отменно хороша, хотя вначале и вызывает легкое головокружение. Малейшее напряжение воли приближает тот или иной элемент зала, не нарушая целостности картины.

Гвоздем первого дня фестиваля стал доклад известного метафизика Динальдо, которого доставили в концерт-зал из тюрьмы диносектора, где он отбывает пожизненный срок за убийство сына-первенца. (На самом деле это был неудачный опыт.) Кстати, своего третьего ребенка, дочку, он уже играючи превратил в нелокальное существо, которое, кстати, души не чаёт в собственном отце. Она присутствовала в зале в виде огненной саламандры.

Из доклада Динальдо: «Ставить эксперименты над вечностью невозможно. Если кажется, что получается, то это глубокая иллюзия. Вечность испытывает нас, а не мы вечность. Мы должны забыть слово эксперимент в его привычном смысле.

Многие, как и я, говорят об обновлении глоссария. С чего они предлагают начинать? С вещей очень трудных. Как дать определение для живительной прохлады и радости, текущих по рукам от старой потрескавшейся доски. Как научиться измерять бормотание мира, шум времени, шум потока совпадений, «Парки бабье лепетанье». Другие говорят про «спонтанность» и «поток». Это уже ближе к моему пониманию. Но мы пошли третьим путем. Это путь делания и дисциплины.»

На второй день впечатляла невероятно скромная и тихая писательница — лишайник Ли. Вот что она в частности сказала: «Я пишу, переписываю, еще раз переписываю, еще раз и еще раз переписываю, пока ситуация не оживает, пока герои не оживают. И тогда не надо выдумывать, только фиксировать то, что почти без усилий течет по экрану.

Но именно момент когда оживает картины, это такое чудо, такие моменты лучшие в жизни, может быть я и живу из-за них.»

В спиральном фойе имел место арт-континуум лучших вселенских сил. Мы были на выставке паутин и кружев. Наблюдали за сурдопением рыб. Задорно подрагивая, Майя внимала «ведам маленьких медведей» в исполнении танцевального ансамбля пчел.

Слушали откровенные рассказы моллюска об ужасе бытия, наблюдали за блужданиями инфузорий-туфелек (все с левой ноги), наслаждались брачными танцами зеленых и рыжих оторв-богомолов. Хор волков тянул популярную песню: «Рано, рано два барана/ прилетели с Марса». Потом заглянули на «Престоададждо под фортепяно» — священные движения для ансамбля насекомых, рептилий и млекопитающих.

Глубокое впечатление на нас произвел конкурс танцев хромосом в клетках разных живых существ. А под занавес мы успели побыть еще и на параде хордофонических концертов для цитоскелета с оркестром.

В третий день в большом конференц-зале выступал осьминог Рапа: «Разговор об inferнальном смехе Великой Василисы небытия — RSGigaL — это смехотворно. Смех, который разрушает миры, и — какой-то разговор, от которого разве что дохнут мухи — чувствительнейшие существа Вселенной.

Это демонизация метадемонического — попытка помыть море в собственном медном тазу.»

В перерыве выходили в город. Вертели головой в поисках заумных существ, но они или хорошо замаскировались или спрятались со своими подругами суккубами в каких-то подпольных притонах, инкубаторах партизанских идей.

Зато за углом на площади представители всех основных космических рас прошли мимо нас живописными группами. Майя скептически хмыкала, но я был в экстазе. Какой удивительный подарок великого сознания. Потом мы узнали, что это была съемка научно-популярного видеофильма для провинциальных вузов.

А после нашего возвращения в гигахаб произошла непредвиденная встреча. С бароном Онтологом, известным тем, что он в педагогических целях укусил молодого крокодила (если я правильно помню старый рассказ Казимира).

Столкнувшись с нами, барон обрадовался, пригласил в ресторан Ухо Удоды Дундука в том же гигахабе. Оказалось, что этот ресторан знаменит своим глинтвейном. Правда, потом нас несколько смутила другая специализация ресторана — блюда из насекомых.

Сам Онтолог творил беседу вдохновенно. Вот он склоняется к нам с Мо и доверительно шепчет.

— Во время поедания гигантских кузнечиков они просят соблюдать тишину. При громких звуках эти насекомые способны проявлять агрессивность.

— Говорят, что причиной является наследственный артроз коленных суставов, в которых находятся их органы слуха. Надо проработать этот вопрос с защитниками поедаемых нами братьев наших меньших — ЗПНБН(м). У меня есть связи.

Потом ненароком спрашивает о своих друзьях — Казимире и его очаровательной супруге Мо. — Как странно, что они не появились на этом смотре космической мысли.

Да, да, нам это тоже непонятно.

— Месяц тому назад они, кстати, были под большим впечатлением от Удоды. Мо натрескалась пасты из кузнечиков под фирменным жучьим соком (Famous Betelgeuse beetlejuice), которую предлагают под заковыристым названием бог знает на каком вселенском языке. Правда, когда она от меня узнала, что ела, ей стало плохо. Дебилка болела у себя целую неделю. Если бы я знал заранее, что будет такая потеха, я бы сам заплатил за свой ужин с ними.

— Бедная Мо. Но она точно уже пришла в себя? Откуда Вы знаете про ее болезнь?

— Из ее письма.

— Вам?

— (С ухмылкой) Почему обязательно мне?

Да, этот барон большой пакостник. Это подтверждает и письмо Казимира, полученное в тот же вечер невообразимо старинным образом — не через сеть, а от мальчика-рассыльного при выходе из ресторана. Вот что он пишет: «Скайпировать бывает равносильно скальпированию. Пока воздержимся от этого. Тем более, что с вами б-н О. Что тут скажешь. Гносеология действительно гнусна. И вы с Майей будьте бдительны!... Вас пока никто вроде трогать не собирается, но кто знает. Держитесь на расстоянии от него. Мои труды, как и носки для собак — конечно пусть крадет. Думаю, что это точно был он. Вышлю Тебе новые in due time. Ну и пусть подключается бесплатно хоть ко всем служебным каналам ГалЦенСвязи. Это в нем даже трогательно, этакое подростково-пиратское. »

Боюсь, что барон один из тех существ с неполной 3D-материализацией, против которых предупреждали полицейские объявления в разных местах хаба. Он с нашей планеты, но не с провинциальной Земли XXI века, а с планеты грядущего вселенского госстраха, мира мечтаний нашего лидера Велимира Хулимировича.

Прошу в этом пункте поверить старому консулу, который в своей работе съел зубатку.

В эти дни, когда, вернувшись обратно на Землю, я читаю агрессивные высказывания, в которых дети играют роль разменной монеты в большой политической игре, я корю себя за то, что на следующий после ужина с глинтвейном день не навел справки о мальчике-рассыльном из ресторана. Сейчас конечно уже поздно, но тогда, тогда...

Диномама из рода человеческого

«Дорогие сограждане и ненаглядные мои неграждане!

Начинаем с новостей. Можете расслабиться, все они хорошие.

На 3% повысилось производство Сомы, главного продукта нашего экспорта в крошечные миры. Цены на Сому, на этот «напиток мудрости и вечной молодости», как его позиционирует реклама, не просто высоки, а запредельно высоки. Тем не менее, спрос, по-прежнему, намного превышает предложение.

В результате правительство нашло возможным повысить зарплаты госслужащим на 10%. В частном секторе повышение запаздывает, но согласно прогнозам достигнет 15 %, а для неграждан скорее всего даже 20 %.

Жить, несомненно, стало лучше и веселее, межрасовое общение стало теснее. Это мы видим собственными глазами и чувствуем собственными боками в общественном транспорте. Население нашей страны стало ощутимо упитаннее, чем раньше.

В связи с этим возник ряд медицинских проблем, которые, однако, оперативно решаются. Оперативно во всех смыслах. Вы наверно уже поняли, куда клонит этот конструктивный каламбур... На днях открыл свои двери новый корпус Королевской клиники суставной хирургии, которую все любовно называют КОКС (намекая, как на основной контингент больных, страдающих кокс-артрозом, так и на безмятежный покой испытываемый пациентами в суперсовременной клинике). Это в основном вы, наши дорогие динозавры, чьи проблемы, скрытые могучими бедрами, тем не менее, не ускользают от внимания властей.

Ненаглядные мои неграждане, доверчивые, но легко ранимые любой несправедливостью, власти о вас помнят. А если вас кто-то все же обидит, я первая опять встану на вашу защиту. Запомните мой адрес, он очень простой: Диномаме. Радио Помеха. Центральный район Столицы.

Из министерства обороны сообщают. В окрестностях стратегически важного астероида XI наши доблестные войска под командованием генерала Хвостенко нанесли чувствительный урон бандам террористов коротышки Пипинаускаса восьмирукого. Генералу вручен орден Достоинства и долгожданный паспорт гражданина королевства вместе с ключами от очаровательного таунхауса в правительственном поселке.

И так далее. Бла-бла-бла... Бла-бла-бла...

И еще раз... бла! (Coda) Да здравствует всенародный любимец, собеседник мудрецов и несравненный солослов, строгий, но справедливый Ното-Rex I (Гоморрих Грозный), король двуединого царства, явленный нам в человеческом облике! Слава его повсеместно достигает небес! Sky high! Sky high! Sky high!»

Выключаю! Кажется, получилось. Голос оцифруем... зашифруем... и по электронной почте в Правлит! Если все будет в порядке, то завтра в эфир. Давно не было на Помехе бесед Септембрины, мои динозавры меня заждались, особенно те из них, кто живет в перенаселенных динофавелах и для которых не существуют ни духовные ни телесные достижения цивилизации — начиная от филармонии, и кончая фитнес-клубом. Кто проводит вечера на собственном диване перед диноящиком, просматривая убогие сериалы и любуясь бездушной попсой в исполнении вертихвосток в кричащих нарядах, изредка выбираясь разве только что на стадион, если там происходит матч по хвостболу. Я знаю, что устраиваю таким вот моим слушателям настоящий праздник посильного участия в государственных делах, и к тому же кормлю их силой сострадания и любви, которые если и не выражаются в словах, то вибрируют в моем голосе, голосе легендарной диномамы.

Но сама я после записи чувствую себя выжатым лимоном. Особенно сегодня... Скорее домой. Собираю вещи. Это, это. Что еще? Да, господи, чуть не забыла сумку с продуктами в антибактериальнике. То-то обрадовались бы уборщицы-динозавры. Обязательно отщипнули бы чего-то вкусенького своими, несмотря на все проверки вечно грязными тонкими пальчиками. Вроде и незаметно, но у меня глаз наметанный, упаковка смята, липкая лента приклеена косо... Их можно понять. Хотя времена, слава королю, не голодные, но мои продукты ведь эксклюзивные, из Гуманоид-Гурмэ. Для уборщиц это предел мечтаний... Естественно, я на них никогда не жалуюсь начальству, по праздникам делаю подарки, и все же... предпочитаю не вводить в искушение.

Но вот что плохо, совсем плохо, так это то, что я стала забывчивой: вчера вышла без живого зонтика, а сегодня чуть не оставила продукты. Может быть, это начало болезни Фальшгеймера. Надо записаться в правительственную поликлинику. Проверят. И... Не знаю даже, что, если... Страшно. Но я должна знать! Знать правду. Всегда знать всю правду. Ведь в любой семье мама обязана знать и понимать все.

Выхожу. Вечерний воздух успокаивает... Наше министерство расположено в исторической части столицы. Тихо, старые огромные деревья, каменные фасады домов, недавно вымытые трудолюбивыми дворниками. За стенами угадываются высокие этажи внутри. Настолько высокие, что восьмиэтажный дом воспринимается как сказочный замок спящей красавицы. Старинная брусчатая мостовая. Как личному, так и городскому транспорту въезд воспрещен.

Здесь живут в основном люди, Homo sapiens, чиновники среднего звена. (Начальство, понятно, обитает за городом и прилетает сюда, в старый город, в свои учреждения на черных пузырях.) Но во время просвещенного правления Гоморриха, тут появились и первые привилегированные динозавры. Музыканты, ученые — в основном академики разных наук, владельцы крупных и солидных ресторанов, некоторые знаменитые танцоры и литераторы. Чистая публика. К тому же практически все имеют гражданство нашего двуединого царства, нашего родного, любимого, великого и бедового 2/1Ц. Как это слово ласкает мой слух!

А вот и мой малоквартирный дом. Совсем близко от министерства. Серый гранит, полированные колонны. Старинный, но бесшумный лифт. Медная ручка двери моей квартиры. Ставлю чайник, грею бутерброды с цыпленком. Хорошо, что мои динозавры не

видят, что я ем. Ведь птицы их дальние родственники. Виновата! Видит источник, я нетребовательна, но от курятины отказаться нет сил.

Очень устала. Надо хоть часик поспать. Ставлю будильник. В восемь тридцать вечера у меня встреча с членами комиссии по правам расовых меньшинств (включая бесправные большинства).

Королевская администрация направила на встречу одну меня. Да, в таких случаях я нужна власть предрержащим. А что мне приходится выслушивать от них остальные 566 дней в году? Не буду повторять. Впрочем, от националистов с обеих сторон я слышу еще не то.

«Септембрина — духовная дубинка в руках кровавого режима.»

«Сука С!!! Твой номер ИД будетдохлым номером, если не оставишь в покое измученный дино-народ.»

«Какая ты на йух Диномама, ты предательница, подстилка динозавров, блудница и кощунница.»

«Если нашему королю нужна Септембрина, то это значит одно — он сам маскированный динозавр. Вздернем предателей человеческого рода на виселицу! Sky high!» И т.д. И т.д.

Все. Спать. Спать.

Встаю за пять минут до звонка. И вот я в красной гостинице нашего министерства. Входит Казимир, с виду весьма типичный представитель Homo sapiens, а на самом деле, как мне только что шепнули, политэмигрант и закоренелый космополит, из диношизы. С ним некто Прыгша, пучок пляшущих листьев, вся в красных глазках. Оба явно симпатизанты любых освободительных движений, как бы кровавы они не были. Тьфу! И это называется правозащитники. Демпериалисты, вот кто!... Но выдержу и это испытание. Я, как известно, железная мама. Noblesse oblige.

— Дорогие Казимир и Прыгша, вы требуете от нас слишком многого. Наши динозавры — народ пока еще не готовый к демократии. Посетите динофавелы и вы увидите, каковы духовные и телесные запросы их обитателей.

— Нет, я не говорю, что они не заслуживают лучшего. Но развитие должно идти постепенно, чтобы не терять тот удивительный дар чистоты, наивности, доверчивости, который единственно способен вывести их не только к полному включению в цивилизованный мир, но даже, я не боюсь этого сказать, в первые ряды народов Вселенной. Только дайте нам время, лет скажем 300, не вмешивайтесь в наши внутренние дела! Ни к чему хорошему это не приведет.

— Вы ошибаетесь, при имеющемся строе развитие политической культуры динозавров происходит. Происходит медленно, в этом вы правы, но ведь все-таки происходит. Здесь, в биэтническом государстве мы не можем рисковать жизнью наших ни в чем не повинных детей и вышедших на заслуженный отдых ветеранов-стариков во имя каких-то далеких от нас абстрактных идеалов и «дорожных карт».

— Кто их убивать будет? Найдутся. В частности и те, кого вы имеете в виду, те, кому это полагается по их профессии. Армия и полиция. Но не только они, но и ваши любимцы, те, которые это делают по призванию, вдохновенно — революционеры-фанатики.

— Важно не то, кто проливает кровь, виновные будут с обеих сторон, а кто провоцирует кровопролитие. Как вы будете спать после того, как у нас произойдет кровавая революция, комиссары хорошие? Или для вас это дело привычное?

— Мы усыпляем народ? Может быть и так, но это сон спящей красавицы, сон, который сохраняет страну и их самих. Насильственная преждевременная побудка может быть ужасной, может разрушить все. Я голосую за колючки вокруг замка. Конечно, и во сне можно провалиться в кошмар, в этом Вы, к сожалению, правы. Но я один из хранителей сна планеты. А кто хранит мои сны? Наверно Источник.

— Нет, я не думаю, что моя любовь обидна для динозавров. Ведь мать не любит меньше своего больного ребенка из-за того, что видит его проблемы. И ребенок отвечает взаимностью не рассуждая.

— Гляжу я на Вас, Прыгша, и не понимаю, что Вами двигает. Вы ослеплены своими схемами, своими якобы общими для всей Вселенной правилами и правами. Очнитесь! Если желаете помочь, организуйте свой танцевальный мастер-класс не слишком далеко от нашего мира. Мы пошлем к Вам нашу талантливую молодежь, и не будем бояться того, что Вы заразите их идеями либерализма. Но на нашей планете ваше культурное представительство невозможно. Оно станет центром притяжения экстремистов, нарушит тонкое равновесие сил.

— А что сделала любимая вами несистемная оппозиция для улучшения положения динозавров? Кроме нелепых деклараций и бессмысленных митингов и маршей. Ни-че-го. В то время как я борюсь за каждую запятую в законах и за каждый бицент в бюджете...

— Кстати, я вижу в зеркале Ваш планшетник, Казимир, откуда вы взяли это идиотское предложение «Хай, Септембрина, неполноподмоченная по правам динозавров! Наш полуреспект! Так держать! У пи-пи-этнических собственная гордость...»? В сети я этого не видела. Это висело на дверях моего кабинета? М-да. Обыкновенный троллинг. Учимся у развитых рас.

— Извините, я устала, и если у вас нет больше вопросов... Счастливого полета. Давно мечтаю побывать в галактическом центре, но никак не получается.

— Нет, спасибо, насовсем депардироваться в центральные диномиры мне не хотелось бы. Во сне я как-то оказалась в чуждом мире с каким-то важным заданием. Не улыбайтесь, это был сон. И вот, на берегу океана я вижу белый пароход с красными буквами 2/1Ц на трубе. Я зарыдала от счастья. В моменты досады я могу ругать собственный мир последними словами. Но именно в этом сне я обнажила собственное сердце.

В общем, как бы то ни было, отбилась, не нарушив равновесия. Это стало понятно по лицу референта, который провожал гостей у выхода.

Однако я была на взводе и вечером дома составила еще один текст — блог Диномамы.

«Я не могу отделаться от ужасного впечатления, оставленного сообщениями о том, что один из наших ведущих чиновников (не буду даже называть его гадкое имя, которое у всех на слуху) изнасиловал горничную-динозавра. В такие моменты мне стыдно за то, что я принадлежу к роду человеческому...»

Сохранила текст, но тут же поняла, что это не пропустят. Это точно не пойдет. Увы, мы живем в реальном мире.

Я глядела в окно с уютными неяркими огнями старого города, и вспоминала еще раз свою беседу с комиссарами. Кажется, все было сказано правильно. И в этом поединке умов, несомненно, я победила. Смущало одно. Где-то я уже видела портрет Казимира. Где? Когда? И тут меня осенило. Вспомнила фотографию: Homo sapiens, довольно известный философ, и рядом с ним его жена — жук в золотой накидке. Пара известных извращенцев. Я вздрогнула, какой ужас! Но через минуту я улыбнулась возникшей у меня мысли. В чем-то мы с Казимиром похожи, хотя и стояли сегодня с поднятыми политическими пистолетами по разные стороны барьера. Не передать ли ему привет через сетевую почту: «Мой полуреспект тебе, бедный брат, бедный король, чье царство разделено между непримиримыми расами...»? Нет, не поймет. Чудес не бывает. У нас судьбы разные. Я чужая среди своих, а он — свой среди чужих.

На ночь я, как всегда, проверила, чтобы одеяло не касалось пола. Мне кажется, что в противном случае в мою постель заползают мерзкие длинные насекомые, а из них как из черных лимузинов вываливаются кошмары.

Три обезьянки Халигали

Три обезьянки... Кто они? Назову их имена: Ши-ши, Шу-шу и Буча. Это хозяйки трех вселенных. В мире Ши-ши пространство жестко прошито, никаких туннелей или кротовых нор. У Шу-шу невозможно путешествие во времени. Во владениях Бучи нет выходов в не-миры.

Сейчас, в самом начале XXI века подобные речи, конечно, вызывают улыбку. Все мыслящие люди знают, что иного мира или всяких там не-миров просто нет. Это все фантазии. А внепространственные и вневременные путешествия являются, если так можно сказать, теоретическими *extravaganza*, и они не применимы к передвижению нас самих.

Можно конечно сказать, что раз дела обстоят так, то мы и живем при обезьянках Ши-ши, Шу-шу и Буче. Но, извините меня, это чушь и чепуха, дамы и господа. Дело в том, что эти обезьянки никогда в количестве больше двух не собираются. А в нашем мире, между нами говоря, вообще нет ни одной из них — разве что иногда заглядывают через дырки в мировой пленке.

Нам крупно повезло. Во вселенских обезьянниках жить неудобно. У Шу-шу не полетишь в будущее полечиться, или в прошлое на экологически чистый курорт. При Ши-ши нет возможности покинуть мир какого-то самодура и садиста (севшего на трон лет этак на 80) и депардироваться, скажем, к вольным динозаврам. В мире Бучи жизнь плоска как тарелка, без ужаса и соблазна.

(Кошмарная мысль: Может быть все-таки, и у нас нет чего-то, хорошо известного в других Вселенных? Может у нас завелась, если не обезьянка, то какая-то выхухоль? Подумаем об этом при удобном случае.)

Вот и стали ученые Шушибучевских Вселенных ломать голову, как делать жизнь и лучше и веселее, и чтоб при этом шея не пострадала. Ломали, ломали, пока самые ретивые не проломили собственные черепа. Внутри оказалась продвинутая пустота и оттуда тянуло холодком. Те ученые, у которых пошли только первые трещины, сильно обрадовались. Во-первых, потому, что они-то остались живы, а во-вторых, потому, что они кое-что поняли.

— Значит так, объяснили они своим смущенным недоученым согражданам. — Во всем виновата материя. Если не будет материи, сразу наступит свобода, которая нам непременно нужна, вроде как для теоретика подходящая дырка в голове.

И построили машины, в каждой вселенной собственную (очень красивые получились машины), которые переводили живые существа в состояние неполной материализации. То есть, они превращались в некоторые прижизненные привидения, которые вольготно гуляли по пространству, времени и всяким там мирам.

За вход в эти машины положили огромную плату. (А если кто по блату или по неотложной госнужде, то бесплатно. Как всегда.)

Так вот, перерожденные в машинах, не полностью материализованные, и поэтому лишенные ограничений гаврики стали появляться в разных обезьяньих, а потом и в не обезьяньих мирах. Безобразничали и творили всякие мелкие пакости (для крупных не хватало энергии). Ведь воспитывались они понятно где, в обезьянниках, в баньках с пауками, а от безнадежности подобной жизни у живых существ сильно портится характер. (Те, кто становятся святыми, не в счет. Перед ними шапки долой!)

Против призрачных пакостников стали применять меры, протыкали осиновым колом — им хоть хны. Привязывали к дулу пушки, заряженной серебряным ядром, и бабах! Они только хохочут. Мол, ничего с нами не сделаете, хоть лопните.

И тут властные вельможи из обезьяньих миров (сообразительные ребята, одно слово, живые существа) стали давать им разные деликатные поручения. Обезьянкам, понятное дело, откат, а полупривидениям-исполнителям в награду — дефицит: сексуально-кошунные удовольствия, ранее доступные только крупным государственным чиновникам.

(К слову, чиновники и преследуют неправильных self-made кошунниц потому, что чувствуют обидную угрозу своим забавам. Свобода ведь заразна.)

Ну и набрали в разных обезьяньих империях отряды таких руку-куда-не-надо-суйных пакостников, вголовулезов и путан обоих полов, путающих прямые нити судьбы тем, кому приказано. Их набралось немного. (Большинство техно-полудухов предпочитали самоудовлетворение и свободу золоченым государственным гаремам с решетками на всех естественных отверстиях.)

Вот с некоторыми из таких немногих духов мне и довелось наемни встретиться (а были ли они на госдоговоре или имели частные гранты, этого я не знаю).

Но тут пора и честь знать и наконец-то снять балаклаву. Раздвигаю шторы текста и появляюсь на сцене с обнаженным лицом. Вот он — я — типичный гуманоид, имя Дантес. Жорж Дантес. Нет, нет, что Вы, я не тот, знаменитый Дантес, автор «Модного всадника» и «Penetration в Г», он мой дедушка со стороны дяди. Сам я мало известный сетератор, скорее даже публицист и мыслитель (как приятно прятаться в складках этого слова). До недавнего времени меня печатали на Земле в изданиях, близких к властным структурам при попустительстве самого нашего лидера Космократа. Наша Дантесовская династия всегда была близка к власти, и об этом ни разу не пожалела.

Но тут все это полетело в тартарары, так как вмешалась женщина. *Cherchez la femme!*

Нет, моя роковая избранница не женщина-шершень, как Вы могли такое подумать!...

Она — скарабей, с некоторым количеством человеческих генов. Но при этом вселенская celebrity и литературная львица. Да, вы наверно уже вспомнили. Я женат на Мюне, дочери первой содомитской супружеской пары, шумно, под аккомпанемент удалого мордобития, осужденной всеми консерваторами Вселенной. Ее родители — диссидент-гуманоид Казимир, и Мо, дипломат инсектоимперии, милая, но безбашенная длиннокрылая букашка. (Хотя какая там содомия, могу сказать на основе своего опыта, подобный брак это в первую очередь переплетение сознаний и судеб, а только потом — тел.)

Итак, начинаю свою историю. Несколько лет назад мы с Мюной гостили на Земле, она на правах поэта-лауреата, я в качестве ее литературного агента и консорта.

Нас предупредили о возможных акциях постельно-озабоченных поселян, тусующихся на всех перекрестках в футболках с портретом мачолицего лидера, и настойчиво посоветовали наши Земные ночи проводить врозь. Объяснили, что зарегистрированный в галактическом центре межрасовый брак на Земле не считается законным после недавно проведенного закона о запрете двойных моральных стандартов... и т.д. и т.д. Довольно странная история. Тут даже не двойные стандарты, а стандарты-многоножки. Одна рука власти зовет, другая предупреждает, притом против козней чьей-то третьей руки, скорее всего своей собственной.

Знакомая до боли картина. Местная политика как была, так и осталась византийской (и временами кипуче писсионарской). Ума не приложу, как в эту картину вписывается тот самый добрый дядя Космократ, который кормил меня в детстве конфетами и рассказывал про подвиги разведчиков недр. (По первой профессии он геолог.) Да, долгое проживание в Кремневой долине опасно для нравственного здоровья.

Мы посоветовались с Мюной, и решили, что в будущем нашей ноге не будет на этой планете (слышно было, как на этих словах включались разнообразные записывающие устройства), но в данный момент сочли, что будет разумно согласиться с предложенными условиями. Тогда (*шепотом*) появится надежда, что гос-моськи, получив удовлетворение, немножко еще потрусят за нами, а потом вернуться в свой дворик... Мы договорились, что Мюна остановится в отеле Рэдисон-Галакси, я в нескольких кварталах от нее, в своей старой холостяцкой квартире.

Итак, я открыл дверь квартиры и на меня, как моль из шкафа, хлынули воспоминания. Мне стало просто физически душно.

Распахиваю окно. Земной воздух, не слишком чистый по Вселенским меркам, но для меня это воздух родины и молодости... Дышу глубоко и с наслаждением.

И тут раздается звонок в дверь. На экране глазка я вижу троих парней юго-юго-восточной внешности. Внезапная слабость в коленях. Но что это я? Мужчина я или не мужчина? Если бы меня сейчас видела Мюна?... Включаю защитный занавес и распахиваю дверь. В квартиру парни не рвутся, лениво предлагают купить обеденный сервис. В самых нейтральных выражениях я отказываюсь.

— У тебя очень красивые очки, со смутной угрозой в ленивом голосе тянет один из абреков. Похрипев нелепое «извините» я закрываю дверь и вытираю лоб.

Мне подумалось, что это явно одна из тех историй, о которых любит рассказывать мой тесть Казимир. Увы, в этом, как показывают последующие события, я был прав.

Через занавеску я вижу, что парни пересекли улицу, но остаются стоять против моих окон. Не очень похоже на поведение обычных уголовников. Хотя я конечно в этом деле не специалист.

Я даже рад, когда раздается еще один звонок. Знакомый голос. Открываю дверь. Да, это известный мне вполне симпатичный полу-художник, полу-бездельник. Он мало изменился за прошедшие годы. Ставлю кофе, мы пьем, вспоминаем старые времена. Он показывает мне «признанный прокуратурой экстремистской и запрещенный для распространения» художественный журнал. Очень смешное издевательство над властью. Я ловлю себя на том, что по старой памяти смеюсь подчеркнуто беззаботно и громко. Мол, получаю по-детски чистое удовольствие от артистической составляющей. (Наивная хитрость, но в тоталитарных мирах средней вредности иногда работает.)

И тут снова раздается звонок.

— Может, останешься? Он кивает. Не слишком надежный помощник, но все равно вдвоем я чувствую себя более защищенным. К тому же взгляд в окно показывает, что абреки остаются на своем месте на улице.

За дверью стоит развязный тип, который каким-то непонятным образом сразу оказывается в центре комнаты. Он что, прошел через нас? Меня берет оторопь.

А меж тем тип говорит о новом гипермаркете, рекламной акции, предлагает за полцены трусы экстремальные, с отсосом и выходом в канализацию ноль-пространства. Это было бы забавно, но почему-то жутко как в кошмарном сне.

Опять звонок. Чувствую, что жизнь ко мне возвращается. — В образце вашего товара не нуждаюсь, предпочитаю трусы внутреннего сгорания. Но сейчас прошу нас оставить, ко мне пришли.

Зря старался. — Я останусь, говорит лжеторговый агент. — Это твоя хозяйка. У меня к ней предложение, от которого она не сможет отказаться. Ничего личного. Это мой бизнес. Семья, понимаешь, шеф, детки.

Звонок повторяется. Не драться же. Чертыхаясь, открываю дверь. Входит Мюна, в голубой накидке, ослепительно красивая под очевидно только что нанесенным золотым напылением.

— Почему ты без охраны?

— Как почему, милый, ты же послал мне эсмэску, чтобы я их отпустила.

Художник встает со стула, тип тоже делает шаг в нашу сторону. На улице слышны взволнованные гортанные крики абреков. В глазах темнеет. Это конец... Надо каким-то образом спасти Мюну. Но как?

Еще один звонок. Почему-то открываю дверь. Или моя воля парализована, или я надеюсь на чудо. На первый взгляд подтверждаются худшие ожидания. Входят абреки.

Правда, вместе с ними в дверь протискивается слегка согбенный немолодой человек со слегка выпученными как у царя Петра глазами и высоким лбом. Его появление заметно волнует торгового артиста, самого мерзкого из непрошенных гостей.

— Это что за явление? Конкурент? Вот тебе полтинник, и топай отсюда, дед!

Тот спокоен. Улыбается как бы дружелюбно всей гоп-компании. — Приятно видеть всех вас вместе. Вы значит, от Шу-шу, вы от Ши-ши и вы от Бучи. В данный момент боремся за Вселенскую мораль? Или это чистая коммерция? Вижу по честным глазам, что вопрос некорректен. Плут на любой службе плут.

— Ты сам кто такой? Покажи свои ... (*осекся*). Это, конечно, наглый «торговый агент».

— А вот это не ваше дело. И не копайтесь в базах данных. Только время зря теряете. Это не ваш уровень, пацаны...

А сейчас налево! Шагом марш на улицу! Для тупых объясняю. Если я вас всех дематериализую в тесной квартире, то получится такая каша, что вы уже никогда не восстановите своей идентичности. Schneller, кролики!

Непрошенные гости превращаются в плоские тени, и один за другим проворно выскальзывают в дверь.

— Вы от RSGigaL? Как она? — восклицает пораженная Мюна. Впервые вижу, что моя жена не полностью владеет собой.

— Не имею чести принадлежать к свите графини. Это не совсем мое общество. Но ко мне действительно подходили в Дильмуне... (*Пауза*) К сказанному я, увы, не могу ничего добавить. Дело даже не в моей воле, а, скажем так, в структуре мира.

— Умоляю вас, мы политически ангажированы, нам важно это понять, эти призраки, эти существа действовали по приказу Космократа?... И что с ними сейчас будет?

— Будет разное. Каждому свое. А насчет Космократа. Вообще, его роль в вашем мире с одной стороны не такая, как думает он сам, и, с другой стороны, не такая, как полагаете вы. Вы видите одну нить в гобелене мироздания, но существует и целое изображение. Вы бы удивились...

Но забудьте. Это все такая суэта. Нижние этажи мира. Есть более важные вещи, чем власть и гнет. Например, улыбка ребенка. Если позволите, господин Дантес, мне давно хотелось познакомиться с Мюной. У меня к ней личная просьба.

— Все что угодно.

— Не спешите, милая леди, так можно попасть в затруднительное положение. Но моя просьба действительно очень скромная и легко выполнимая. Итак, Мюна, можно Ваш автограф на знаменитом 44ом томе галактической поэзии, в которой было опубликовано одно из первых ваших стихотворений?

— Конечно, конечно, наш дорогой избавитель. Простите за наглость... А Вы не напишете нам что-то от себя в блокнот? С высоты Вечности, в которой Вы пребываете.

— Шутите, Мюна! Значит, пришли в себя. Пишу.

«Eternity is in love with the productions of time.»

Павианий павильон на Всевселенской выставке

Разноцветные коврики с рор-оут кабинками мелькают как ласточки в небе над огромной территорией выставки. Посетителей пока немного. И вот уже я, Казимир, политэмигрант и автор нашумевшей книги Радуга насилия, сижу в одной из кабинок.

Сейчас утро, а непространственное окно в сторону моей планеты откроется только вечером. Знакомые динозавры посоветовали заехать на первую посткосмократическую вселенскую выставку и там обязательно посетить павианий павильон. Откровенно говоря, о мире павианов я знаю достаточно мало. Мир как мир. Наверно бесцветный, провинциальный. Но я человек любопытный, и вот я здесь. Буду изучать.

По подсказке очков-шерп (ОчШе) направляю свой коврик к павианьему павильону. Служба сплетен ОчШе тут же сообщает, что он часто называется бабуинным балаганом. Заодно узнаю, что директором павильона является приглашенный специалист пан Троглодит.

Спешившись у входа в павильон, вижу, что моя кабинка по дороге приобрела весьма вызывающий вид, на ней намалевано слово «содомит» на основных космических наречиях. Кто-то воспользовался пэйнтбольным принтером. Как же, у хранителей традиционных ценностей всегда налицо профессиональная техника (принтер явно парламентского класса), а их дозорные пункты разбросаны по всей Вселенной!

Понимаю, что это не хулиганство и не случайный инцидент, так как — вот он содомит собственной персоной. Это я. Я женат на очаровательной золотой букашке Мо. Но вы о нас скорее всего не слышали, так как из-за преследований мы живем в мире Динозавров, в одном из редких мест во Вселенной, где нам не грозит физическая расправа вездесущих фундаменталистов, «эфы», смертоносных гадюк... Остается только надеяться, что здесь на выставке секьюрити не допустит насилия. Да и сами эфы возможно побоятся. Ведь, сейчас не времена Космократы (КК), когда деспот был готов бросать всю экономическую и военную мощь планеты на освобождение арестованных ассасинов.

Но, похоже, что сейчас его правопреемники нашли новые способы присутствовать в чужих мирах. Чего стоит один лозунг «От летального к легальному», почему-то принятый прогрессивной общественностью на ура. И что же скрывается за этим «легальным»? Похоже, что скоро я это узнаю.

Я обратился к полицейским с жалобой на преследование, и вот что услышал в ответ. — Да, нам уже сообщили, что вы испортили имущество выставочного комплекса, но инцидент улажен. За вас извинились представители вашей родной планеты. Они рассказали о ваших психических проблемах (наше сочувствие, сударь, это должно быть ужасно жить с таким сумбуром в голове) и обещали более чем щедро компенсировать все расходы по ликвидации погрома, который вы учинили. По Provincial World Union уже пришел срочный перевод с авансом. Так что вы свободны.

Я оставил у них заявление с собственной версией событий (оно было довольно-таки небрежно сунуто в папку) и отошел ошеломленный. Действительно новый стиль, но мне он не нравится, также, впрочем, как и старый. Надо посоветоваться с адвокатом.

Выставка мне то и дело продолжала напоминать о моих проблемах с родным кривосудием.

Вот аттракцион некоей межрасовой ООО-НКО в зале развлечений: «Трудности перевода на язык любви, или ксено-стриптиз. Вы натягиваете чулки с выбранным вами метафизически спорным изображением. Мы их порвем на оживленной улице. Круглосуточное дежурство видеокамер. Проект находится под особым покровительством Всевидящего Архистратогостата.»

А вот в холле политических партий посетителей встречает сам Мандарин восточной империи Шеддок (Натсудайдай), любимец молодежи, лидер партии «Налево Налево Вперед». Пока он пьет некую мутную белую жидкость, группа молодых симпатичных павианов скандирует: Шмонка, шконка, Космократ!

Рядом на колонне висит плакатик конкурентов: «самоотверженная борьба, чтобы стало как всегда». Такая вот антиреклама у ННВ под носом. Не зачищают ребята пока что политическое поле как следует.

А вот нечто совсем родное. Как дома. «Осуждение на вечные муки. Надежно и недорого». (Под этой вывеской за простым конторским столиком сидит павиан с тяжелым бабьим лицом, этакий духовный султан в сутане.)

(Помните, как КК спрашивали, не собирается ли он менять образ мачо на образ пропатора? — Как же! И он ответил, что у него уже есть один пропатор.)

А рядом на пяти стендах располагается ФА (фундаменталистская альтернатива). Это ребята откровенные. Вот что каждые несколько минут говорит и показывает не звезда, а целое звездное скопление фундаменталистов, Писсионарская Партия Павианьего Царства (ПППЦ):

«Наши штурмовики-брандспойты писают кипятком на лапы либерастов. Политологи устраивают публичные сеансы практической деконструкции демшизы. Конспирируйтесь с нами, дышите синхронно с героями! Не слушайте мелких идеологических идиотов и божьей немилостью бомжей, мы не наци, мы просто метим и разоблачаем врагов нации. Лучшие интеллектуальные силы с нами. В Институте экспериментальной философии мы уже маркируем метафизическую территорию.

!! Величайшей космополитической катастрофе — распаду П-империи 99 лет тому назад посвящается. Писс-парад во всех парадных Вселенной. Следите за нашими объявлениями в социальных сетях».

А вот представление в вертепе.

«Дяденька, отдай часы. Не мешай, мальчик! Дядеенька! Отдай чааасики! Не приставай, мальчик!

Что вы мучаете ребенка, гражданин?

Отдать ему часы? Поздно, вы обвиняетесь в тяжком преступлении, издевательствах над несовершеннолетним.

А вы чего защищаете дяденьку? У него же руки по локоть в детских слезах. Мы вам, батенька, сейчас морду набьем, а потом уволим с работы».

Тоже знакомая картина.

Меня уже не удивляет, что издательство Пневматическая скрепа, как сообщает их стенд, выпустило «Пособие по практическому демоноводству для начинающего демагога».

Но не все так буро-коричнево. Вот и свободомыслящие силы. «Vumen». Показ несистемных сисек.

Заходить, пожалуй, все-таки не буду.

Дальше довольно фиолетово, но мило. Начинается общая часть павильона. Экспонаты тривиальны, но забавен калейдоскоп лиц и голосов (даю их в обработке универсального переводчика).

Проходит группа людей в сером. — Дожили. Сообщается о том, что космополитическая комиссия содомитов проверяла царя Гоморриха.

— Какой ужас. А я слышал, что у его превосходительства Гоморриха заклинила функция ККкопирунг. — И что? — В ответ Г. изволили с размаху выпить целую бутылку ККкасторки.

— Говорят, что после КК краеугольными камнями государственности, считаются уже не патриотические скаловидные пливуны вокруг обывательского болота, а три черепахи.

— Давно пора. Все ждут перемен.

У входа в ресторан стоит тучный седой павиан в ливрее. Рядом с ним мечется подросток, пытается привлечь внимание старика, но тот все отворачивается.

Другая группа людей. — Шапочная дюжина высокопродажных текстур. Как это будет по нашински? — Топ-десятка бестселлеров. — Аа!

— Я, кажется, видел вас на ток-шоу знатоков. — Что вы говорите, очевидно, давно не были на своей родной планете. Там за «ток-шоу» можно схлопотать по морде. Это действие нынче называется посиделки-гуделки, не иначе.

— А посиделки-гляделки тоже существуют? А как же, это то, что раньше называлось фэшн-шоу.

Мимо меня, вереща, проносится тот самый павианий подросток, который только что вертелся вокруг старика. Останавливает солидно одетую пару, которая, не торопясь, прогуливается по выставке. Слышу, как он возбужденно тараторит. — Извините, мне так неловко, я обещал подарить дедушке на день рождения горный велосипед ручной работы

с корзинкой для больного шакаленка. ... Но забыл, деньги потратил, дедушка обижается, очень обижается... Не могли бы вы? Я верну через неделю. Вот моя карточка.

Какую-то сумму он явно получает и мчится дальше.

— Мелинда, ты знаешь, что Хануман, возвращаясь из змеиного сектора привел за собой гремучий астральный хвост и дома на обезьяньем острове оказался среди отверженных и оскорбленных. — Ура, оппозиционному полку прибыло! — Вот и я так говорю... Это из разговора двух очень симпатичных обезьянок неизвестной породы.

— Вы уже купили книгу «Занимательные финансы»? Это как будто рассказы Кашея своему правнуку г-ну Олигомону, олигархическому омбудсмену.

— Жукоборцев, победитель инсектоимперии, откуда у вас такая жена? Она трофейная? — Нет, клавишно-кофейно-кисейная. Она сама ко мне пришла.

Подросток что-то быстро-быстро говорит группе павианов-панков. Те смеются.

— Я предлагаю Тебе не мандрагор, а сходить на гору Тор (*ТомПаГор*): слушать наш павианий хор в честь восхода солнца... Это разговаривает смешная пара павианов в очках. Они похожи на наших сетевых хомячков.

Подросток обращается к двум хорошо одетым дамам. Доносятся отдельные слова. — Ручной работы... шакаленка... Что-то снова получает.

Очкарики продолжают беседу.

— Ты очень доброе существо. — Почему существо, сосуля? Я вещество!

— Это я стала почти веществом. Но, тем не менее, я не сосуля, а косуля из Бабу-под-снегом. Ты не слыхал? Это такая подмороженная Павианья Империя на планете Спящая красавица.

— Говорят, что Бабу находится на 120 месте в рейтинге качества жизни для неприсоединившихся миров. Неплохо ведь? Для сравнения: Земля в составе гумсектора на 138 месте.

— Не удивительно, там, где павианьи порядки, жить еще можно.

Молодой павиан все мечется по выставке. Что-то ему дают, но явно небольшие суммы. Не удивительно, планета ведь небогатая.

— Посмотри, какое забавное объявление. «Почему среди филлоподов нет педофилов? Предлагается найти у филлоподов ген подавитель педофилии и клонировать для использования при принудительном лечении педофилов других космических рас. Частные пожертвования для выполнения данной программы работ просьба направить в Институт предсмертного хрипа доктору Косте Компотину. По пятницам в том же институте происходит интеркосмическая инициация игрушек».

Вот подросток подходит к двум молодчикам в черных мундирах писсионариев. Я холодею, ведь на нем футболка с логотипом АнтиФА... Нет, ничего, писсионарики хлопают его по плечу, что-то достают из карманов.

Слышен голос сеприемника: Связь между Дильмуном и Дуатом зависла как раз во время беседы RSGigaL и Хатхорет о новых моделях птичьих лапок. Обмен мнениями на высшем уровне был продолжен на следующий день в одном из глубочайших пещер Араллу.

В том же медиа-зале смотрю передачу Лемуурского ТВ на павианьем языке. Интересно.

Рядом, в правительственной будке, окончательно договариваюсь о ранее согласованном интервью для газеты Дино Вести.

Чиновник весьма дружелюбен. — Знаете, Земля, ваша бывшая родина, это планета победившего стокгольмского синдрома. Я там был по приглашению Общества по развитию духовной махаловки. Ни одна свободолюбивая обезьяна в таких условиях не выживет.

Прохожу в комнату для госконтактов. Свобода свободой, но тот, кто встретил суровый взгляд павиана-охранника, не забудет его до конца дней.

Интервью с пресс-секретарем императора было коротким, но содержательным. — Мы, павианий народ, маленькая разумная раса. Пусть говорят, что наши манеры грубы, наша внешность уродлива, воззрения примитивны, творчество неизощренное. Мы просто любим нашу планету, наше солнце, наших детей. Зато наши соседи про нас рассказывают анекдоты, а не боятся нас панически, как это обычно происходит там, где поселились наши кузены — люди. Они окружены врагами и завистниками? А почему этих врагов нет вокруг нашего мира? Ведь и мы совсем не ангелы. Наша политическая система почти такая же как у людей. Просто мы никого из соседей не принуждаем к страху и трепету. Тут нет особой заслуги, наш мир просто очень маленький и не слишком могущественный. И все же... Я бесконечно рад тому, что дела обстоят именно так.

Посмотрите личный сайт нашего императора Астенну-Джехути-Месес. Вот последняя запись. — Считаю ли я необходимым запретить фильм Астенический синдром? Скорее нет, чем да. Но укунить автора в виде частной инициативы мне хотелось бы, притом здесь и сейчас.

— Вы видите, какая простота, открытость, отсутствие лукавства. Никакой Византии, свойственной землянам...

Отсутствие Византии вижу.

Но действительно, на мой взгляд, следует признать, что, при всей обезьяньей эклектичности их мира, сами павианы это существа с человеческим лицом. Не то, что некоторые земные мастера мести и травли. Извините за каламбур. (Хотя, конечно, у каждого из нас десятки, если не сотни лиц и т.д. и т.д.)

На выходе меня неожиданно награждают бумажной розой за работу по анимации Вселенной. При всей видимой простоте они очевидно в курсе того, какие я пишу сказки.

«Вселенная состоит не из атомов, а из историй».

За воротами вижу, что за мной выходит на улицу седой павиан, ведущий за руль горный велосипед. Рядом с ним суетится и верещит подросток. Они садятся на велосипед и уезжают. Подросток обнимает старика.

Их пример выводит меня из задумчивости. Хотя у меня в запасе еще несколько часов, я тут же вылетаю в Космопорт.

Я не жду своего рейса до Динозавровиля, беру билет до Мира насекомых. Вылет через пять минут. Береженого Источник бережет.

Перед вылетом заглядываю в иллюминатор и вижу, как на скамейке у входа трогательная павианья малышка сосет грудь матери.

Потом, завтра, будет перелет в Динозавровиль, будет встреча с Мо и счастье.

Мышка в бивалютной корзине

— Что ты шуршишь все утро со своими рукописями, как мышь в бивалютной корзине? Это крикнула Мо (золотая букашка, моя красавица жена) из соседней комнаты. Я задумался и даже перестал шуршать. Ее слова напомнили мне об одной истории, которая произошла с моим другом Брониславом на планете Земля. Но лучше дать слово ему самому. Я, блоггер Казимир Раудсепп могу это делать, так как после таинственного окончательного исчезновения Б. несколько лет тому назад, получил по галактической почте удивительную рукопись, в авторстве которой у меня нет сомнений.

Конечно, остается вопрос, можно ли верить его словам? История кажется фантастичной. А некоторые вещи просто шокируют. Хотелось бы, чтобы это было не так, но, впрочем, о многом я и так догадывался. Все же в целом рукопись внушает доверие. При некоторых событиях я присутствовал лично, кое-что смог проверить у заслуживающих доверия людей. И у меня нет особых причин сомневаться в правдивости всего остального. Время было такое...

Итак, рукопись.

To whom it may concern.

... В начале была тайна.

Она вошла в мою жизнь на одной из главных улиц города П., столицы Оловодья.

Было так. Я с трудом выбираюсь из чрева девяностоколесного боабуса (толстое длиннущее чрево, и, в согласии с национальными традициями, мало дверей). Вокруг меня спешит по своим делам столь милая моему сердцу стильная столичная толпа.

Большинство одето в разные оттенки серого, хотя встречаются и смелые перламутровые тона. Никаких вульгарных ярких красок.

Вдруг из людской массы отделяется коренастая бородатая фигура и бросается ко мне.

— Привет, старик! Сто лет тебя не видел.

Не очень вежливо стряхиваю его руки. Что-то при этом бормочу. Ничего не понимаю. Кто он? Да и кто я сам? Ну да, конечно, я это я, что за наваждение. На секундочку мне показалось, что я в этом не уверен.

Но он?... Ничего не всплывает. — Где ты сейчас работаешь? — прерывает неловкую паузу мой визави. Отвечаю осторожно: — Все там же... И почему-то добавляю. — Глаза бы мои не видели этой поганой конторы.

— Это хорошо! Очень хорошо! ... Почему-то он радуется моему ответу. — А я вот собираюсь пуститься в авантюру. Ищу так сказать друзей Оушена... А может детей лейтенанта Шмидта. И вдруг ты сам, жив, здоров, в отличной кондиции. Впрочем, что я болтаю. Просто обалдел от встречи. Я вижу, ты подзабыл, так напоминаю, моя работа тут

же, за углом. Выходной день, людей немного. Давай зайдем на десять минут. Угощу отличным дильмунским кофе. И расскажу кое-что интересное.

Сплошные непонятки, но почему бы не зайти. Опять же дильмунский кофе. Вряд ли настоящий (откуда бы?), но наверняка относительно качественный. В наши дни это редкость. Детская холодная война, и все что к этому прилагается. — Пошли. Но действительно на десять минут. Спешу.

Обычный обшарпанный фасад. Железные двери. За ними коридор, еще одна дверь, снова коридор. Дверь лифта, имеющего размер с немаленькую комнату. Подымаемся на второй этаж. Золото, кожа, зеркала. На диванах сидят девушки китайско-корейской наружности, стройные, высокие, с прямыми спинами и высокими прическами, в облегающих платьях с золотым шитьем. Не доходя до них, мой друг заворачивает в тупичок.

— У меня был выбор, и я взял французскую группу... Непонятно, что должны объяснять эти слова.

Мы находимся у массивной двери кабинета, похожей на ворота в мир богатства, силы и тайны. Мой друг жестом приглашает сесть на диван.

— Это кабинет нашего руководителя, академика Долбоносика... Твое рабочее место. Настороженный быстрый взгляд на меня. У меня отвисает челюсть, и я делаюсь похожим на настоящего кретина. Моему другу это явно нравится. (Кому бы не понравилось так удивлять собеседника.) Он обнимает меня за плечи и продолжает. — Отсюда ты будешь властвовать над миром... Ну, ну! Не пугайся, я не сумасшедший.

Объясняю. Шеф нашей крутой фирмы был в длительной межпланетной командировке. Вчера я узнал о его гибели. И совершенно случайно я догадался, а потом проверил, что в нашей фирме уже никто его в лицо не знает. У нас не просто текучка, а настоящая Ниагара кадров. Все уверены, что фирма вот-вот лопнет, и не просто лопнет, а так, что добрая половина сотрудников попадет за решетку. Кто поделом, а кто, чтоб не мешать распилу. Ну, ты знаешь, как это у нас делается.

— А мы с тобой сделаем вот что. Я выдам тебя за Долгоносика, который вернулся из командировки. Отдашь пару правильных распоряжений, а потом мы с тобой и еще парочка верных пацанов удалимся на край Земли. С кушем, которого хватит до конца наших дней... Ты человек солидный, привыкший командовать. Лучшего Долбоносика не найти. Но в душе ты ведь авантюрист?

Я молчу как замороженный. Мне до чертиков надоела моя смутная жизнь, в которой я не живу, а существую. В которой отсутствует смысл и радость. И вдруг такое дикое предложение. Авантюра, конечно... To say the least. Но... Ах, была не была.

— Ну, я вижу, что ты решился. Тогда вперед! Первым делом возьмем ключи от Анны Ивановны.

Он достает жетон с буквами и числами, набранными витиеватым шрифтом и бэйджик с причудливым гербом вместо портрета и именем акад. Долбоносик Бронислав Борисович, генеральный директор. — Заховал в свое время, объясняет друг... — А фотографии на

бейджике нет, так как он считал себя на редкость уродливым. Не то, что ты. (Быстрый взгляд.) Но ты и не такой красавец, чтобы, если кто-то что-то слышал, подорвать нашу версию.

Анна Ивановна, древняя старуха, ворча, идентифицирует жетон и бейджик на своем онтологическом контроллере, и выдает связку разномастных ключей, от каких-то феноменально старомодных до электронных. Мы проходим обратно по коридору. За спиной слышны голоса: — Сам приехал. — Не может быть. — Не видишь разве. — Да, у него ключи.

Открываем дверь. В кабинете темнота. Поворот выключателя показывает красные более чем старомодные пыльные портьеры. Огромный кабинет с традиционным Т-образным столом.

— Посиди здесь, привыкай, а заодно полистай проспекты, говорит друг и ныряет в низкую боковую дверь. Слышно, как он открывает еще одну дверь и затем закрывает за собой обе.

Из-под стола слышно потренькивание телефона. Наклоняюсь. Спрятанный радиотелефон. Машинально достаю трубку. Слышу голоса.

— Стас? Это ты, Стас? — Я. Не ори, Феофаныч! Нашел кого надо, морда мерзкая, интеллект околонуля, а кроме того, это не кто... — Слушай сюда! Мне мелочи не нужны. Нашел и хорошо. Кто бы он ни был, это твои проблемы. Быстро организуй передачу, выправляй ксивы, факсимиле у тебя, кретина, после этого, в огород. — Феофаныч! Ты не понял один момент... — Я все, что надо, понял, Стас! А сейчас заткнись. Не серди меня, не выводи из себя. Ты меня знаешь. Пока не сделаешь, не звони. Я думаю... Феофаныч кладет трубку.

Я в холодном поту. Углубляюсь в чтение проспектов. На мое счастье вижу материал, который меня глубоко волнует. И углубляюсь в чтение. «Проект Минотавр. О высокоэффективной замене бычьих генов человеческими, при сохранении внешнего облика.» Когда-то я об этом кажется что-то слышал.

Фармакологические фирмы должны писать кипятком.

— Ну что, читаешь наш патентованный супербред? Это уже говорит Стас. — Это, правда, не мы сделали, а аффилированный институт под руководством Анюты. Но деньги и слава наши.

Ты не знаешь знаменитую Анюту? (Быстрый взгляд на меня.) Она жена Долбоносика. То есть твоя жена. Ха-ха-ха! Но ты не бойся, она работает сейчас где-то в Юго-восточной Азии. Они с Брониславом типа разошлись.

Мы договариваемся со Стасом, что завтра утром мы оформим расчленение нашей фирмы OmNihil2 (в газетах обычно Omnihill). — Всю ночь спать не буду, но сделаю все бумажки. Будьте покойнички, шеф.

И тут же, после расставания, я беру такси в аэропорт. Нет, сначала в авиагородок. На стене я увидел свеженаклеенное объявление о том, что там находится фирма Смена облика. Мне потрясающе везет. Через несколько часов выхожу из дверей конторы (для чужаков сообщаю, что у нас в Оловодье продают все: диссертации, дипломы, свидетельства помощника депутата, санитарные книги) новым человеком с новыми документами и авиабилетом до Южного континента. Скоро я буду на расстоянии половины земного шара от уголовников Оловодья. Как только моя кредитная карточка выдержала?

И вот прошел год. Я коммивояжер в далекой стране. Продаю инновационное, бесполезно престижное, и прочее и прочее... и ничего! У меня обнаружилось обостренное чувство на то, что скоро станет модным и крутым. Одним словом, кленты довольны, а я имею гамбургер с куриной котлетой и неплохой кофе, а также собственную недорогую машину. А по вечерам ищу в интернете новые материалы о смене ДНК и конечно о фирме Omnihill. О фирме я не нахожу буквально ничего. Если рейдерский захват состоялся, то прошел необыкновенно тихо и незаметно. Без масштабных арестов и судов. Зато после долгого молчания сети вдруг появились новости об Анне Арнольдшне Долгоносик (она явно сохранила фамилию мужа). Анюта возглавила институт в зоне мамонтоводства на ягодно-комариной низменности. Значит мамонты вместо быков. Логично. Сердце екнуло.

А что, если... Надоели изматывающие поездки по провинции, и сама обстановка — буржуазные добродетели, доверчивость, приличия и все такое прочее. Не вернуться ли мне на места, где лежат осколки тайны, в которую я волей случая оказался замешанным. Приключения, опасность, неведомая Анна. Это конечно глупо. И все же, клад (Omnihill) явно не разорен. И опасность, скорее всего, умеренная... я ведь никого не заложил, за что мне мстить, сейчас, когда прошел целый год и первая вспышка досады и гнева прошла. К тому же я облысел, прибавил в весе (сидение за рулем и фастфуд). Осталось только купить контактные линзы для смены цвета глаз и отпустить бородку. Вперед!

Прилетаю в Ямал-Коралл. Насупленные лица пограничников, не слишком приветливая но родная толпа. В толпе выделяются огромные волосатые парни, пастухи мамонтов, пастарбайтеры.

Родина моя, Оловодье! Зачем я тебя покинул. Прости меня, изменника!...

Я поворачиваюсь спиной к толпе зазывающих бомбил. Дозваниваюсь до такси, и через четверть часа меня забирает огромная машина марки «Родина — крепость». Из гостиницы звоню Анне Арнольдшне. Представляюсь Марком Симплетоном из Южной Британии. После моего первого «Алло» Анна издает какой-то странный звук (неуравновешенная особа, это плохо). Но мой образ иностранца почти безупречен. За прошедший год я стал говорить с легким (а если волнуясь, то сильным) архангельским акцентом. Минута-другая и все налаживается. Договариваемся о встрече.

И вот тибетский ресторан Балтистан. Крохотный гардероб, два маленьких зала. Вхожу. И тут раздается женский голос, от которого все внутри обрывается. — Бронислав, что ты здесь делаешь?

Оборачиваюсь. На меня смотрит миловидная высокая брюнетка, знакомая по фотографии в кабинете Долгоносика. — Анна Арнольдовна, если не ошибаюсь, говорю я учтиво, но с испуганным холодком внутри.

— Бронзик, ты с ума сошел! Не смей прикидываться шлангом, что за нелепый маскарад? Что ты здесь делаешь?

— Встречаюсь с тобой... Эти слова были произнесены машинально. Но в тот же миг внутри как будто рухнула часть стены. После нескольких лет «в пустыне» я снова не одинок.

— А что у тебя с глазами? Они поменяли тебе глаза?... Я вынимаю контактные линзы. Анна с облегчением смеется. — Ну, рассказывай!

Глаза мои заполняются слезами, голос перехватывает судорога. — Анюта, я все забыл. Случилось что-то ужасное. Помоги мне...

Мы идем с Анной по узкой улице, которая грозит нам сверху огромными сосульками, а снизу бугристым льдом. Пятиэтажный дом эпохи социализма без берегов. Квартира маленькая, но ухоженная. Анна ставит чай.

Пью. Она обнимает меня сзади. — Бедный мой, бедный. Сейчас я тебя успокою.

И она меня успокоила.

Но во сне тревога вернулась в образе цветных, пугающих картинок.

Золотые пиджаки. Явные и скрытые угрозы. То и дело возникают коридоры Omnihill. Анна, к которой я стремлюсь, а она ускользает, исчезает, и снова поиск, утомительные повторы. Мутные разговоры. Снова угрозы. Станислав. Станислав Саталинский. Он является моей правой рукой. Стоит рядом во время награждения орденом на второй сцене Мариинского театра. Мы ведем какие-то ужасные дела. Но вот появляется Анюта и с ней разливается спокойствие и свет. Она тут, рядом со мной, и шепчет что-то успокаивающее.

Просыпаюсь от запаха кофе. Мы сидим за столиком в крохотной кухне, но ведем не разговоры повторных новобрачных, а обсуждаем ситуацию. Аня сообщает шепотом, что она достала мощный восстановитель памяти. Это хорошо. Но плохо то, что она знает мало о моих делах. Они считались совершенно секретными. А она к тому же была увлечена своей работой и не очень ловила намеки, которые, конечно же, проскальзывали. Правда, у ее равнодушия к моим секретам оказалась и позитивная сторона. После неоднократных проверок, которые были проведены в свое время, сейчас наблюдение за ней практически отсутствует.

Все же, очевидно, что день страуса не может длиться вечно. Как бы мне не хотелось остаться с Анютой, но ради нашего будущего надо собрать волю в кулак и устремиться в столицу, в тот крокодилятник, где под водой связаны в узел хвосты моих проблем.

Но может ли слепой выйти на бой против зрящих? Что я знаю? Несколько имен и кличек, фрагментарные сведения о каждом из них, собранные отчасти у Ани, но в основном в Интернете. Но всезнающая сеть в данном случае, очевидно, болела Альцгеймером.

Нет, необходим другой канал информации. К счастью, раз я Бронислав Долбоносик, многие вещи упрощаются. У Анны нахожу свою идентификационную карточку. И я набираю номер известного в узких кругах антирейдерского агентства Reindeer Eater. Через несколько дней я уже сижу в кабинете старшего уполномоченного г-на N.

— В виду некоторых особенностей Вашего дела я позволил себе навести справки у нескольких членов администрации. Естественно, разговор велся со всеми предосторожностями. И вот что выяснилось в итоге. Сотрудники администрации весьма обеспокоены состоянием дел в Omnihill. Деньги госзаказа осваиваются, отчеты пишутся, но очевидно, что дела на самом деле ведутся халтурно, иногда даже преступно халтурно. А история о том, как вас, пользуясь вашими неврологическими проблемами, пытались выдать за вас дееспособного, это вообще за пределами добра и зла. Хотя кое-кто и посмеивается — афера века: пытались выдать Долбоносика за Долбоносика, но конечно никакой поддержкой администрации захватчики сейчас не пользуются. Они считаются недалекими жуликами и если мы их вытурим, в администрации будут только рады.

Мы предлагаем Вам следующий план...

Через неделю все действительно стало на свои места. И вот я снова захожу в Omnihill, здороваюсь с Анной Ивановной, одной из немногих сотрудников, которые сохранили свои места. Вместо старческой тупости в ее глазах читается живой ум. Она радостно со мной здоровается. За ней стоят два огромных ООН (охранника особого назначения). В кабинете полный порядок. Он проветрен и сияет чистотой. Пыльные портьеры исчезли без следа. Референт, прикомандированный из администрации (для инопланетных читателей сообщаю, что это администрация нашего лидера Велимира Хулимировича Дамноса), протягивает мне папку спецпроверки, сообщает, что прилагающиеся дополнительные документы и справочные материалы лежат в сейфе, после чего удаляется.

Углубляюсь в чтение. Omnihill представляет собой сеть частных разведывательно-диверсионных агентств с ограниченной ответственностью и беспредельной лояльностью к державе. Работает над дестабилизацией обстановки в любой заказанной части земного шара. Кому-то эти формулировки явно были нужны.

Папки. Жрицы любви. Легкое Вооружение. Лидеры луддитов. Огород (о-го-го). Психотропные вещества. Печать поддельных купюр. Рекомбинантные ДНК. И т.д. И т.д. Широкий профиль.

Папка «Память. Стирание». Вот это интересно.

В папке нахожу заклеенный конверт со штампами Золотой Феникс и Совершенно секретно. Ну, в своей папке я хозяин. Разрываю конверт и вижу вот что. Верх отрезан. Дальше текст. «... в связи с вышеизложенным OmNihil2 следует вывести из-под влияния академика Долбоносика и его друзей, таких как безответственный блоггер Казимир Раудсепп, и два эксцентричных экстрасенса-мистика: фокусница и танцовщица Прыгша и черная монахиня RSGigaL, которые угрожают лояльности фирмы законному правительству Оловодья. Для этого предлагается временно заблокировать память ключевого игрока, упомянутого господина Долгоносика.

Самого его сохранить, снабдить смутной альтернативной биографией, соответствующей документацией и достаточными материальными средствами!

Создать попечительный совет фирмы во главе со Станиславом Осиповичем Саталинским (сертифицированный имперский пират, фальшивый диплом кандидата метафизических наук официально не оспаривается), Марсием Феофановичем Фуфлю (мастер спорта Соловьиного Союза по будзюцу, никогда и нигде не учился) и Мяу-мяу Бем-Тарсис (10 языков, курсы гейш, 6 беременностей от разных врагов народа, 6 аборт по программе Франкештейн-Эдип).

Одновременно организовать постоянное наблюдение за членами этого совета.»

И тут совсем не к месту телефонный звонок.

— Броня, это ты? — Не ори, Феофаныч! — Ну, я вижу ты снова в форме... Ты на меня не в обиде? Понимаешь, это все гадюка Стас! Он меня подставил. — Трудовой народ тебе в рот, медуза несчастная! Педикулезный педофил! (Пауза) Но успокойся, живи. Я тебя преследовать не буду. — Вот спасибо, шеф. Я в тебя всегда верил, верю и буду верить. Как говорит поп своему кошельку. Шутка. Давай пообедаем вместе, если пригласишь. У меня денег ни копя. — Извини старик, очень занят. — Не буду отнимать твое драгоценное время. А, кстати, видел нашу красавицу. Ей очень хочется познакомиться с одним твоим знакомым. — Пусть позвонит. Разберемся.

Читаю дальше: Руководство оперативной работой поручить генерал-майору (имя замазано). Конец страницы. Внизу горит резолюция, поставленная красной ручкой. «Копию показать Брониславу Борисовичу, если вернется. Пусть узнает, над какой парашей он гулял по тонкой жердочке. Д»

Да, к этому я не был готов. Беседа в Reindeer Eaters настроила меня на слишком благодушный лад. Хотя могло быть и хуже, всегда может быть хуже.

Имена своих друзей я принял с чувством глубокого смущения. Мне казалось, что я нахожусь на верном пути, и скоро все образуется. Или восстановится память, или мне все расскажут. А тут снова missing continent. Америка, о существовании которого я не знал. Мои друзья... И какие имперские силы приведены в движение...

Интересно, «ветхому» Долбоносику страх был неведом, что ли? Или он был на редкость толстокожим ... А может быть суперциником. Вздрагиваю. Кто я?

Из ступора меня выводит Аня, позвонившая мне по Скайпу. Наши лица лучше слов говорят о том, как нам трудно быть в разлуке. Конечно, я не захожу разговор о моих друзьях, но человек полагает, а Источник располагает. Неожиданно Аня говорит. — Кстати, позвонила Мо, жена Казимира, ну, помнишь, эта странная дамочка, у которой лицо как будто нарисовано карандашом. Передала привет от мужа и спрашивала, не появлялся ли ты у меня.

Холодею. Могла бы во время назвать имена моих друзей. Но наверно сочла эту информацию на данный момент не заслуживающей моего внимания. — А ты? — Ну, пока ты окончательно все не уладил, я играю роль конспиратора: Нет, не был, не знаю. — Ну и

правильно... (В камеру изображаю зевок.) — Извини, не выспался. Не представляешь, сколько здесь оказалось дел.

Дальше, до вечера, действительно плотно занимаюсь текущей работой, хотя мысли то и дело возвращаются к Анюте. Дела фирмы это не ужас-ужас. Это ужас-ужас-ужас. Но воздержусь от комментариев, так как все совсекретно.

Возвращаюсь домой. Моя квартира весьма скромная для руководителя могущественной фирмы, но обладает одним несомненным достоинством. Она находится на расстоянии полутора кварталов от Omnihill в историческом здании. Кованый металл, старомодные лифты.

Открываю дверь и вдруг чувствую, что в квартире кто-то есть. Слышу дыхание.

— Казимир, поганец, шепчу я первые слова, которые приходят в голову. Смешок, чье-то хихиканье. У меня нет сомнения в том, что тут находится и Прыгша.

Подождите, шепчу я, понимая бессмысленность того, что я делаю, затягиваю портьеры. Открываю дверь на кухню. — Сюда!

Как я мог их забыть, вот мои друзья, пучок танцующих листьев с красными глазками и толстяк с дряблой шеей и похожей на шлем велосипедиста головой, покрытой белым пушком.

— Привет, old man, говорит Казимир, обнимая меня, а Прыгша делает несколько танцевальных па.

— Чем вас угостить?... спрашиваю я, протирая руки.

— Я понимаю, что мы нагрязнули неожиданно. Но вдруг ты найдешь для дамы щепотку сушеных тараканов. Она весь день на фотосинтезе, и ей так нужны животные белки.

— Найдет!... вмешивается Прыгша. — В пенале на средней полке сзади лежит пакет трехгодичной давности, не смотрите, что просрочен, для меня это такое же лакомство, как для вас суточные щи.

Пакет действительно был найден. А нам с Казимиром я сделал бутерброды с жареными бананами. — Растениееды несчастные, — пробормотала Прыгша, а мы с Казимиром старались не обращать внимания на едкий запах тараканов. Издержки галактизации.

— Ну, Казимир, расскажи, что ты придумал гениального?

— Кое-что есть, конвертер пространства в счастье.

— Тогда наша великая родина Оловодье станет водородной бомбой счастья? наших на всю жизнь напуганных чиновников ты этой идеей не осчастливишь. Тебя еще не вызвали в комитет по враждебной деятельности?

— Я пока никому не говорил.

— Тогда выслушай совет бывалого человека. Молчи как сапог. И напиши свои соображения на 4-5 страницах. Если идея мне понравится, я постараюсь дать ей ход по нашим каналам.

— Конечно, если буду жив,... добавляю я неожиданно для себя.

Казимир удивленно сморит на меня. — Но уж, слышать такие слова от великого секретного физика, любимца власти... Тебя же хранят лучшие силы Империи. Но не будем о неприятном, о политике. Как Аня? Ее Минотавры размножаются? — Яростно. Но сама она работает над другой задачей. Проект Мамонт. Очень много работы с каждым переносимым геном, но дело продвигается. — Какой я тупарик, мог бы догадаться, что раз она работает в Кораллово, то дошла до мамонта. Мо ей звонила на днях. — Я знаю.

— А RSGigaL? — Продолжает борьбу с основами бытия. При последней встрече интересовалась тобой. Be prepared!

— Всегда готов! отвечаю я. (Этого только не хватает.) — Ты зря напрягся, Броня, по большому счету баронесса лояльна к своим друзьям. Наверно у нее на уме какое-то воспитательное мероприятие, но это можно пережить. Вечность не может не воспитывать детей времени.

— А я, Бронислав, сочинила балет,... во время вклинивается в наш разговор Прыгша. «Мышка под корнями розы». Розу буду танцевать я. Но, в общем, это балет про тебя. Ты догадался?

Какое счастье иметь бесхитростных и гениальных друзей. Какое счастье. Прыгша права. Я действительно мышка. Но не мышка под розой. Sub rosa конечно имеет место быть, но это не вся правда.

Мой образ такой. Я мышка, которая завелась в бивалютной корзине. Грызу то одну валюту, то другую, то державные бумажки, то диссидентские, не думая о будущем. Но раньше или позднее мышку вытряхнут из корзины вместе с бумажной трухой и, скорее всего, прихлопнут. Не к награде же представят. (Извините меня, метафоры, за столь вольную вашу материализацию.)

Сегодня у нас встреча друзей, и забывается реальность Оловодья. Но завтра я буду в OmNihil2 организовывать сексуальные скандалы, межэтнические конфликты, тоталитарные секты, уколы зонтиком. Погано. А послезавтра что? Снова крамольные разговоры на кухне, игра разума и веселье?

Сейчас я понял, что подобные времена прошли, еще несколько дней, и будет другое. Что бы я ни задумал, меня опередят. Казимира обвинят в маргинализации блогосферы, а Прыгшу в противоестественных танцах. И на них найдутся статьи УК. И это только начало.

Но хочется жить и мечтать о том, что произойдет что-то третье, например, что Прыгша, которая все знает и понимает, проведет меня и Анюту и Казимира межзвездным мистическим туннелем к дворцу Центра Галактики.

Что это значит применительно к мышкам? Мышке следует прикинуть, каковы шансы найти в бивалютной корзине настоящий золотой цехин. Тот самый, на котором написано *SIT TIBI...*

Они ничтожно малы. Но ведь было же сказано *CREDO QUIA ABSURDUM*. И поэтому я позволю себе, ступая по старинным словесным следам, сформулировать так: Надеюсь, ибо [то, чего мне хочется] невозможно.